
К 70-ЛЕТИЮ ПОДВИГА МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ЮРА, СЕРЕЖА И БЕССМЕРТИЕ

*(К 70-летию подвига героев-комсомольцев
краснодонской подпольной организации
«Молодая Гвардия»)*

*«Мы молодая гвардия
Рабочих и крестьян!»*

А. Безыменский

ЮРА

Эту фотографию мне впервые показали еще тогда, когда я только учился говорить: «Смотри, это твой дядя Юрочка». На снимке, сделанном около 1928 года, милый лобастый мальчуган лет четырех с печальными и удивительно глубокими глазами. Их взгляд устремлен куда-то очень далеко — то ли в пространство, то ли сквозь время. Правой своей ручкой он подпирает щеку, левая спокойно лежит на спинке стульчика, который он оседлал. Во всем облике мальчика какая-то невыразимая и необъятная скорбь. Кажется, что через годы он видит свою судьбу, неизбежную и трагическую.

На обороте фотокарточки рукой старшей сестры моей бабушки, Марии Александровны Виценовской, мамы мальчика, сделана надпись, обращенная ко мне. Она просит меня помнить о тех, «кто отдал свою юную жизнь за нас... и за тебя!.. Чтобы жилось нам легче, веселее и красивее».

* * *

На рубеже XIX и XX веков в селе Церковном* Луганской губернии проживала большая и дружная семья Бурлуцких, в чьих жилах текла кровь разных народов. Глава семьи, Александр Алексеевич, учитель пения в местной церковно-приходской школе и регент церковного хора, был сыном чистокровного цыгана, родившегося в

* После революции село было переименовано и стало называться Красное.

таборе еще при жизни Пушкина, в 1830 году. Повзрослев, молодой цыган женился на украинке, осел в Луганской губернии и обзавелся многочисленными детьми, получившими по наследству от отца редкие музыкальные способности. Я очень хорошо помню, как за новогодним столом 1970 года у нас дома престарелые внуки его, среди которых была и моя бабушка, неподражаемо пели русские и украинские песни на три голоса. Дед Алешка, как все его звали, прожил долгую жизнь и умер в 1930 году в возрасте ста лет.

У жены Александра Алексеевича, Акулины Иосифовны, отец был грек, также женатый на украинке. Он рыбачил на Азовском море. Прабабушку Кулю я помню отлично. Она меня очень любила и ласково называла «*Вовта*».

Двое детей супругов умерло в младенчестве, но зато живых детей было девять: пять девочек — Мария, Валентина, Софья, Галина и Любовь, и четыре мальчика — Александр, Василий, Михаил и Николай.

Был у Бурлуцких неплохой земельный надел сообразно численности семьи. Это давало определенный достаток. Александру Алексеевичу даже приходилось нанимать батраков, поскольку в разное время то одни дети были еще малы, то другие уезжали учиться. Прадед пользовался большим уважением у односельчан и расплачивался с наемными работниками всегда честно. Он и его дети, с малолетства приученные к труду, работали в поле вместе с батраками, а те по-семейному ели с хозяевами за одним столом. Так продолжалось до конца 20-х годов, когда было решено старого сельского учителя раскулачить и «дать волю» батракам. Впрочем, последние, будучи «несознательными» и «неблагодарными», обретенной «волей» остались очень недовольны.

Однажды, до революции, в село Церковное из Луганской епархии Русской православной церкви приехал с инспекцией архиерей. Он был до того растроган прекрасным пением сельского церковного хора, которым руководил мой прадед, что проследился и даровал Александру Алексеевичу духовный сан псаломщика.

Сан, конечно, маленький, но зато он давал Бурлуцким существенную привилегию. Теперь их дети имели право обучаться в епархиальных учебных заведениях на полном пансионе. Причем, поскольку семья была многодетной, один ребенок учился бесплатно, за счет РПЦ. Этим ребенком была моя бабушка, Софья, учившаяся в Мариупольском епархиальном училище.

Старшая, Мария, училась в Киеве. Она мне рассказывала, как в 1911 году их, воспитанниц училища, в парадных белых фартуках вывели на улицу для встречи высочайшей особы. Мимо Марии в автомобиле проехал государь-император Николай II в сопровождении премьер-министра П. А. Столыпина. Кортёж направлялся как раз в тот самый театр, где спустя пару часов прогремел выстрел террориста Багрова. Как известно, он оборвал жизнь Столыпина. Мария училась тогда в выпускном классе.

На каникулы Мария приезжала домой. Вместе с родителями она занималась хозяйством, присматривала за младшими, а еще занималась с детьми зажиточных односельчан, чтобы помочь отцу платить за учебу братьев и сестер.

Здесь надо упомянуть о том, что епархиальные училища давали образование повыше, чем обычные средние учебные заведения. Выпускники имели право работать школьными учителями, что и произошло с моей бабушкой, чей педагогический стаж начал свой отсчет в сентябре 1917 года на ее малой родине. Здесь же чуть раньше начала учительствовать и Мария.

Ветры Гражданской войны занесли на Луганщину двух братьев Резцовых — Ивана и Василия. Родом они были из слободы Великомихайловской Старооскольского уезда ныне Белгородской области, а тогда — Курской губернии. Выходцы из се-

мьи ремесленников, о чем свидетельствует их фамилия, оба брата, тем не менее, имели педагогическое образование. Старший на девять лет Иван окончил Курскую учительскую семинарию, а Василий — аналогичную семинарию под Полтавой. Оба успели повоевать в Первую Мировую войну. Василий в чине прапорщика русской армии был командиром взвода на Галицийском фронте и участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве 1916 года. Было ему тогда двадцать лет. Их старший брат, Алексей Резцов, правая рука своего мастеровитого отца, Ивана Павловича, плотника и столяра, также был призван на фронт в 1914 году, но погиб в первом же бою тридцати лет от роду.

Вернувшись с войны домой, братья решили работать в школе. Но когда в Великомихайловской началось формирование Первой Конной армии, Иван и Василий покинули родные места, пока не начался призыв. Им было непонятно, кто с кем и за что воюет, и почему русские стреляют в русских. Они просто хотели жить и учить детей.

Так произошла встреча моего дедушки и моей бабушки — Резцова Василия Ивановича и Бурлуцкой Софьи Александровны. Они стали мужем и женой и прожили вместе всю оставшуюся жизнь. 1 ноября 1928 года в большом шахтерском поселке Сорокинский рудник (с 1938 г. — г. Краснодар) у них родился сын Вадим — мой отец. Бабушка рожала дома, а жили они тогда в той самой квартире, где позже поселилась Елена Николаевна Кошечкина со своим сыном Олегом, ставшим во время гитлеровской оккупации комиссаром «Молодой Гвардии», подпольной организации краснодонских комсомольцев-патриотов.

Дом, в котором жил комиссар «Молодой гвардии» Олег Кошевой

Мария Александровна вышла замуж за горного инженера Семена Яковлевича Виценовского, и несколько лет их семья жила в Ростовской области, где тогда работал инженер. Там, в г. Шахты, 23 февраля 1924 года у них родился первенец Юрий, а через пару лет второй сын — Леонид.

В середине 20-х годов большинство Бурлуцких переехало в находящийся неподалеку от их села Сорокинский рудник. Там же теперь жила и семья Галины Александровны, у которой, кажется, в 1930 году родилась дочь Аллочка.

Сан псаломщика, дарованный архиереем Александру Алексеевичу и принесший до революции его семье выгоды, с приходом Советской власти сыграл с ним злую шутку. Старик-учитель угодил в разряд «чуждых элементов». До самой смерти в 1935 году он пытался убедить не шибко грамотных представителей рабоче-крестьянской власти в своей лояльности и даже через газету отказывался от сана.

В семье Виценовских царил мир и лад. Юра рос очень добрым, ласковым, застенчивым мальчиком. Тихий и аккуратный, он с пяти лет выучился читать. Очень любил младшего братишку Леню. Одно огорчало родителей: мальчик сильно заикался. В раннем детстве его испугала большая собака. Врачи оказались бессильны, но помог счастливый случай. В Луганской (тогда Ворошиловградской) области гастролировал гипнотизер, к которому Мария Александровна привела сынишку. Маэстро пообщался с Юрой, а затем погрузил его в гипнотический сон. В конце сеанса он приказал Юре: «Скажи свое имя, отчество и фамилию!» Юра тут же без всякой запинки произнес: «Юрий Семенович Виценовский». Тогда гипнотизер вывел мальчика из гипнотического сна командой: «Проснись! У тебя головка не болит!» Юра проснулся и к радости мамы уже не заикался, а если и заикался, то только чуть-чуть — когда нервничал. К сожалению, радость была настолько большой, что Мария Александровна забыла, а потом так и не смогла вспомнить имя спасителя-гипнотизера.

Дети сестер воспитывались вместе, и Юра как самый старший заботливо опекал младших: брата Леню и двоюродных брата и сестру — Вадика Резцова и Аллочку Рябову.

Слева направо: Леня Виценовский, Вадик Резцов и Юра Виценовский, п. Сорокинский рудник, 1933 г.

Слева направо: Аллочка Рябова, Вадик Резцов, Леня и Юра Виценовские, п. Сорокинский рудник, 1933 г.

В 1931 году Юра поступил в первый класс школы № 1 имени А. М. Горького, где работали мои бабушка и дедушка. Через четыре года он перешел в школу № 4, где сдружился с Сережей Тюлениным. Учился увлеченно. Мария Александровна вспоминала: *«Аккуратен был со своими учебниками и тетрадями. Ни одной пометки, кляксы на тетрадях и книгах. В книгах у него закладки. Так уж берег их! Бывало, сядет готовить письменные уроки, сначала делает в черновой тетради, а затем переписывает в чистовую. Но трудно было понять, где какая. Обе были чистыми. Учился хорошо. Только на «четыре» и «пять».*

Краснодон, школа № 1 им. А. М. Горького

В 1933 году, когда Юре исполнилось девять лет, умер отец, Семен Яковлевич, у которого было большое сердце. На плечи Юры легли все заботы о младшем брате: матери приходилось работать в школе в две смены.

В Краснодоне учительницу Марию Александровну Виценовскую знал буквально каждый. Она очень любила детей, свою работу. Всю душу вкладывала она в подрастающих мальчишек и девчонок. Среди них были и будущие молодогвардейцы.

После уроков, наскоро завернув в газету огромную кипу ученических тетрадей, Мария Александровна спешила домой к сыновьям. Мальчишки радостно мчались ей навстречу, спеша сообщить о том, что случилось за день. Они очень любили свою мать, дорожили ее дружбой.

Мария Александровна никогда не волновалась за сыновей, оставляя мальчишек одних или с сестрой Галиной: они были послушными и прилежными. Вдвоем они ходили в магазин, делали уборку, гуляли. Братья дружили, хотя были совсем разными: Юра - серьезный, очень застенчивый и не по летам высокий, а Ленья — черноглазый и подвижный шалун. Летними вечерами всей семьей ходили в городской парк. Там играл духовой оркестр, гуляла молодежь, родители с детьми. Набегавшись, братья просили купить им мороженое с вафлями.

Летом Мария Александровна с учениками уезжала в пионерский лагерь, который находился на берегу Северского Донца, и брала с собой сыновей. В семейном альбоме хранилась фотография: на фоне плакучих ив запечатлен пионерский отряд. В центре улыбается Мария Александровна, а рядом в обнимку с товарищами — Ленья и Юра...

М. А. Виценовская (в первом ряду вторая слева) среди коллег по работе. Крайняя слева в первом ряду — ее сестра С. А. Резцова. 8 декабря 1933 г.

Посетило горе и семью Резцовых. Пришло известие о том, что умерли отец и мать Василия Ивановича. На Луганщине с продовольствием было лучше, чем в голодавшей слободе Великомихайловской, и дедушка регулярно отправлял своему отцу продовольственные посылки. Последняя из них вернулась с пометкой: «Адресат умер». Отец рассказывал мне, как дедушка над этой посылкой рыдал ...

В 1934 году Резцовы переехали в Рязанскую область, и теперь регулярно общались с Марией Александровной по переписке с перерывом на гитлеровскую оккупацию Луганщины.

Юра рос и мужал. Менялись его увлечения, желания, мечты. Он увлекался музыкой, радио, футболом, пробовал свои силы в поэзии, хорошо рисовал и в старших классах редактировал стенгазету.

Рисунок Юрия Виценовского

С братом Леней Юра часто что-нибудь мастерил по книге «Умелые руки». Он так увлекался химией, что делал химические опыты прямо у себя дома. Леся (так называли младшего брата в семье) любил биологию, а Юра ему помогал. Вместе они посадили в саду дуб и абрикосовые деревья. Когда через много лет я приезжал летом в Краснодар, то вместе с Марией Александровной собирал урожай абрикосов с деревьев, посаженных ее сыновьями.

Юра активно участвовал в литературном кружке, обожал поэзию В. В. Маяковского. Роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь» был у него настольной книгой. В Павке Корчагине Юру восхищало мужество, стойкость, отвага и беззаветная любовь к своей Родине. В старших классах он дружил с одноклассницей Шурой Рымарь. В 1938 году Юру приняли в комсомол.

Юрий Виценовский, около 1941 г.

О том, каким был старшеклассник Юра Виценовский, сохранился рассказ его классного руководителя Анны Дмитриевны Колотович:

«Очень ясно мне представляется стройная фигура Юрия Виценовского, выдержанного, уравновешенного, спокойного, но довольно замкнутого юноши. Часто во время перемен десятиклассник Юра направлялся к младшим классам, где учился его брат Леня, живой, юркий мальчишка, который ни минуты не мог усидеть на месте. Юра часто перехватывал брата, вылетающего из двери раньше учителя. Это значит, что пропала у непоседы веселая перемена. Лене волей-неволей приходилось степенно шагать рядом со старшим, в то время как шумная ватага товарищей носилась по двору.

Аккуратный в мелочах, в обращении с вещами, книгами, Юра всегда выглядел очень опрятным.

Как-то, идя по коридору школы, я увидела его у дверей гардеробной. Встряхивая в руках пальто Шуры Рымарь, он еще издали приветливо улыбался ей. Увидев меня, Юра смутился, отвел взгляд. Я быстро повернулась, вошла в одну из классных комнат, тем самым избавив Юру от неприятных минут. Девочкам нравилась взрослая предупредительность Юры...

Однажды в школе был вечер. Старшеклассники, особенно девочки, непрерывно кружились в вальсе. Любители шашек и шахмат играли в соседней комнате. В числе шахматистов был и Юра. Зная, что он неплохо танцует, я пригласила его и еще нескольких ребят из этой комнаты пройти туда, где играла музыка.

Шура с девчоночьей непосредственностью подбежала к Виценовскому:
 — Юра, ты же приглашал меня на вальс, а сам скрылся...
Я видела, что Юра покраснел, мельком оглянулся на меня и шепнул:
 — Анна Дмитриевна, уведите маму, тогда я пойду танцевать...
Это было величайшим доверием. Без лишних слов я взяла под руку Марию Александровну:
 — Давайте пройдемся по коридору. Здесь немного душно.
Возвращаясь через четверть часа, мы увидели Юру танцующим.
Мария Александровна сейчас же направилась в зал и, став у двери, начала делиться со мной своими замечаниями:
 — Рука у Юры не так должна лежать... Слишком торопится, можно такт потерять.
Мне стала понятна просьба Юры увести мать. (По рассказам моей бабушки, в епархиальных училищах бальные танцы преподавали на высоком уровне. Так что Мария Александровна сама танцевала великолепно и знала что говорит. — В. Р.)
Как-то у Виценовского произошла размолвка с Шурой Рымарь. Он не поднимался из-за парты на переменах, а Шура неестественно громко смеялась, расточая свои улыбки направо и налево.
Однажды в классе я увидела преобладающий букет и спросила, кто его принес.
 — Юра, — поспешили сообщить девочки. — А Рымарь поставила на стол.
После занятий я увидела этот букет в руках Шуры. Следом за девушкой шел повеселевший Юрий. Я порадовалась, рассчитывая, что теперь оба будут хорошо заниматься.
Однако на другой день Виценовский убежал с моего урока. К концу занятий он снова появился:
 — Простите, Анна Дмитриевна, что без вашего разрешения ушел.
В Краснодаре давала тогда представления труппа Харьковского драматического театра. Я догадалась, что после примирения Шура попросила Виценовского достать билеты. Юра, конечно, не мог ей отказать.
Через неделю он сам зашел ко мне в кабинет и подробно рассказал, как было дело.
Просидели мы с Юрой в тот вечер долго. Спорили, говорили о жизни, о спектаклях, о нашей школе. И о Шуре Рымарь...
Я вновь, в который уже раз, убедилась, что он честный, правдивый, очень искренний юноша. Такому человеку можно было довериться...» (А. Колотович, Н. Осинин «Дорогие мои краснодонцы»)

В 1941 г. Юра учился в 9 классе. 20 июня окончились экзамены, а 21-го Юра уже держал экзамен в артиллерийское училище. Его приняли, но на следующий день началась война.

На рассвете 22 июня 1941 года вероломно, без объявления войны, Гитлер напал на нашу Родину. Вся мощь германского вермахта обрушилась на территорию Советского Союза практически по всей протяженности западной границы. Фашистские войска начали стремительное продвижение вглубь страны. Под бомбами немецких бомбардировщиков оказались многие города, среди которых столицы союзных республик Украины и Белоруссии — Киев и Минск. Вскоре они были захвачены агрессором.

Но привыкшим к легким победам фашистским войскам достался противник совсем иного свойства. Части Красной Армии, откатившиеся под ударом врага, в отличие от европейских армий на каждый удар отвечали четырьмя-пятью, пытались отвоевать потерянный плацдарм. Пускай позиции вернуть не удавалось, и контрудары были не такими мощными, как немецкий натиск, но они замедляли продвижение захватчиков и изматывали их.

Под руководством большевистской партии и советского правительства до приближения фронта промышленные предприятия организованно эвакуировались на Урал и в Сибирь. Там они начинали работать на оборону прямо с колес. Станки, едва выгруженные из товарных вагонов, подключались к электропитанию, и рабочий класс под открытым небом начинал давать фронту оружие, боеприпасы и технику еще до возведения стен и крыш. Промышленные объекты, которые не успевали эвакуировать до прихода немцев, взрывали, чтобы они не достались врагу. Такой организации еще не знала мировая практика!

На оккупированных фашистами территориях создавались партизанские отряды. Во главе партизанского движения на местах стояли, как правило, председатели областных, городских и районных исполкомов, а также секретари обкомов, горкомов и райкомов комсомола. Общее стратегическое руководство партизанским движением осуществляла Ставка Верховного Главнокомандующего — И. В. Сталина. Население великой страны поднималось на борьбу с поработителями. В 1941 году всему советскому народу стали известны имена юных героев-партизан Зои Космодемьянской и Саши Чекалина, замученных фашистскими извергами. Весть о Зое и Саше дошла и до Краснодона.

С первых дней войны Юра стремился на фронт, но мобилизовывали юношей 1923 года рождения, а он родился на год позже. Юрий эвакуировался, но в августе 1941 г. вернулся домой и пошел в 10 класс школы им. Горького, который успешно закончил.

В феврале 1942 года Краснодонский РК ВЛКСМ назначил Юру пионервожатым в школе имени С. М. Кирова. Юноша с большим желанием принял за дело. Он занимался с ребятами строевой подготовкой, изучал оружие. По словам М. А. Виценовской, Юрий отлично стрелял и получил значок «ворошиловского стрелка».

К этому времени Красная Армия под Москвой нанесла гитлеровцам тяжелое поражение и прогнала их от столицы нашей Родины. «Блицкриг» («молниеносная война»), о котором с первого дня агрессии разглагольствовал Гитлер, был сорван. Эта победа воодушевила советских людей, вселила уверенность в своих силах и конечной победе. Но в середине 1942 года чаша весов качнулась, и пошли неудачи. Фашистские войска рвались к Волге, чтобы перерезать водную артерию, по которой для советской военной техники поставлялось бакинское топливо, а для всей страны - кубанский и ставропольский хлеб.

В Краснодоне объявили вторую эвакуацию. Все ближе становились разрывы бомб и снарядов, и в воздухе распространялся удушливый запах гари.

Юрий решил покинуть город. У ближнего колодца притормозила автомашина с военными, одна из последних. Измученные жаждой солдаты по очереди жадно пили воду из ведра. Юра подошел к командиру и попросил взять с собой. Молодой лейтенант бросил взгляд на юношу и спросил:

— Стрелять умеешь?

— Выбиваю 48 из 50,— ответил Юрий.

— Тогда садись,— сказал лейтенант.

Мать не успела даже обнять сына. С тощим рюкзаком он уже сидел в кузове машины...

Но под Ставрополем их обложили со всех сторон немецкие части. Юрию удалось вырваться из окружения, а когда он вернулся домой, в Краснодоне уже хозяйничали оккупанты.

Краснодон был оккупирован 20 июля. Перед отступлением наши взорвали все краснодонские шахты. С первого дня оккупации гитлеровцы начали грабить население, установили режим зверства и уничтожения, угоняли население в германское

рабство, убивали.

Уже в первом приказе немецкого коменданта говорилось:

«За неподчинение новому порядку — расстрел.

За уклонение от сдачи оружия — расстрел.

За неявку на регистрацию в полицию — расстрел.

За слушание радиоприемника — расстрел.

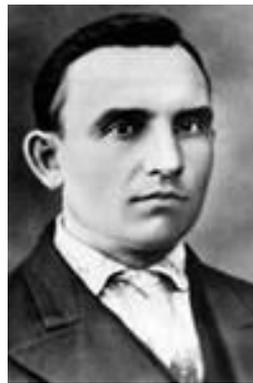
За появление на улицах после 18.00 — расстрел...»

А чего стоит объявление, которое вывесили возле водопроводной колонки: **«Вода — только для немецких солдат. Русские, берущие отсюда воду, будут расстреляны. Вода для русских — на другой стороне!»** Иными словами, «высшая раса», гости незваные, будут пить здесь, а вы, «рабы», знайте свое место!

В ответ на оккупационный террор немецкого командования в Краснодаре и его окрестностях стали появляться листовки, призывавшие саботировать распоряжения оккупантов и вести с ними решительную борьбу. Эти листовки распространялись членами подпольной партийной организации Краснодона. Организатором и руководителем большевистского подполья был коммунист ленинского призыва Филипп Петрович Лютиков. Его ближайшим помощником по организации и руководству партийным подпольем стал коммунист инженер-механик Николай Петрович Бараков.

Филипп Петрович Лютиков

Николай Петрович Бараков

Дом, в котором жил Ф. П. Лютиков

Большевики-подпольщики верили, что комсомольцы и передовая часть несоюз-

ной молодежи поднимутся на борьбу с гитлеровцами. И они не ошиблись! В начале сентября 1942 года, когда «Молодая Гвардия» еще не была сформирована организационно, уже насчитывалось порядка 25 комсомольцев, распространявших листовки и по заданию большевистского подполья совершавших нападения на немцев с целью завладения оружием.

Оружие из арсенала «Молодой Гвардии»

По городу прокатилась серия дерзких поджогов, которые совершил в одиночку Сережа Тюленин.

Последним толчком к созданию комсомольской подпольной организации «Молодая Гвардия» послужила зверская казнь 32 краснодонских шахтеров и начальников городских организаций, отказавшихся работать на оккупантов. 29 сентября 1942 года их, связанных проволокой, фашистские палачи живьем закопали в городском парке в глубоком рву. Из последних сил отбиваясь от палачей, начальник шахты № 22 Андрей Андреевич Валько крикнул:

— Знайте, проклятые, за каждую каплю нашей крови вы дорого заплатите!..

И вместе с комсоргом шахты № 5 Петром Зиминым бесстрашный коммунист запел «Интернационал»...

Мои дедушка и бабушка хорошо знали Андрея Андреевича по Краснодону и дружили с ним. Он жил по соседству, на той же улице Садовой через один дом. Помнили они его серьезным, но очень доброжелательным человеком. Андрей Андреевич всегда умел помочь, поддержать, подбодрить. С особым вниманием и доверием относился А.А. Валько к молодежи. Люди любили его за простоту и душевность...

На место погибших встали новые борцы — молодогвардейцы, объединенные в монолит мудростью и отвагой коммунистов, непобедимым большевистским духом. Командиром «Молодой Гвардии» стал Иван Туркенич.

Парк г. Краснодона. 29 сентября 1942 г. в эту братскую могилу фашистские негодяи заживо закопали 32 краснодонских шахтера, отказавшихся сотрудничать с оккупационным режимом

Андрей Андреевич Валько

Командир «Молодой Гвардии»
Иван Туркенич

Лейтенант Красной Армии, в мае-июле 1942 года он находился на фронте, был помощником начальника штаба 614-го истребительного противотанкового артполка. В одном из боев на среднем Дону Туркенич попал в плен, но бежал и вернулся в оккупированный Краснодар. Его боевой опыт очень пригодился вновь созданной подпольной организации молодых патриотов.

Комиссаром «Молодой Гвардии» был избран 16-летний Олег Кошевой, а членами штаба — Сергей Тюленин, Иван Земнухов, Василий Левашов, Виктор Третьякевич, Ульяна Громова и Любовь Шевцова.

Организация была раздроблена на изолированные друг от друга пятерки. Они получали задания из штаба и докладывали об их выполнении через связных. Иван Земнухов разработал специальный шифр для связи с руководителями пятерок. Ис-

пользовались многочисленными паролями. К концу ноября «Молодая Гвардия» насчитывала уже до 100 человек. Подпольные комсомольские группы действовали в Краснодоне, Первомайске и других населенных пунктах. О деятельности молодогвардейцев в Ворошиловграде и области знали все.

Олег Кошевой

Сергей Тюленин

Иван Земнухов

Василий Левашов

Виктор Третьякевич

Ульяна Громова

Любовь Шевцова

Всей семьей Виценовские советовались, как жить дальше. Но Юра уже принял решение — бороться с врагом в рядах «Молодой Гвардии». Он вступил в организацию вместе со своими друзьями — Сережей Тюлениным, Витей Третьякевичем и Жорой Арутюнянцем. Вместе со всеми Юрий принес клятву молодогвардейца:

«Я, ЮРИЙ ВИЦЕНОВСКИЙ, ВСТУПАЯ В РЯДЫ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ», ПЕРЕД ЛИЦОМ СВОИХ ДРУЗЕЙ ПО ОРУЖИЮ, ПЕРЕД ЛИЦОМ СВОЕЙ РОДНОЙ МНОГОСТРАДАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ, ПЕРЕД ЛИЦОМ ВСЕГО НАРОДА ТОРЖЕСТВЕННО КЛЯНУСЬ:

БЕСПРЕКОСЛОВНО ВЫПОЛНЯТЬ ЛЮБОЕ ЗАДАНИЕ, ДАННОЕ МНЕ СТАРШИМ ТОВАРИЩЕМ;

ХРАНИТЬ В ГЛУБОЧАЙШЕЙ ТАЙНЕ ВСЕ, ЧТО КАСАЕТСЯ МОЕЙ РАБОТЫ В «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ».

Я КЛЯНУСЬ МСТИТЬ БЕСПОЩАДНО ЗА СОЖЖЕННЫЕ, РАЗОРЕННЫЕ ГОРОДА И СЕЛА, ЗА КРОВЬ НАШИХ ЛЮДЕЙ, ЗА МУЧЕНИЧЕСКУЮ СМЕРТЬ 30 ШАХТЕРОВ-ГЕРОЕВ. И ЕСЛИ ДЛЯ ЭТОЙ МСТИ ПОНАДОБИТСЯ МОЯ ЖИЗНЬ, Я ОТДАМ ЕЕ БЕЗ МИНУТЫ КОЛЕБАНИЯ.

ЕСЛИ ЖЕ Я НАРУШУ ЭТУ СВЯЩЕННУЮ КЛЯТВУ ПОД ПЫТКАМИ ИЛИ ИЗ-ЗА ТРУСОСТИ, ТО ПУСТЬ МОЕ ИМЯ, МОИ РОДНЫЕ БУДУТ НАВЕКИ ПРОКЛЯТЫ, А МЕНЯ САМОГО ПОКАРАЕТ СУРОВАЯ РУКА МОИХ ТОВАРИЩЕЙ.

КРОВЬ ЗА КРОВЬ! СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ!»

В организации он был таким же дисциплинированным и исполнительным, как в школе. Все диверсионные задания, какие поручались ему штабом, выполнял добросовестно.

Юрий часто уходил с товарищами, якобы на вечеринки, но через полчаса возвращался, — иногда веселый и беспечный, а иногда — грустный и сосредоточенный.

Однажды Юра попросил у матери разрешения собрать у себя дома друзей. Мария Александровна разрешила и поинтересовалась, чем они собираются заняться.

— Фокстрот поучимся танцевать, — ответил с усмешкой Юрий.

Дело было в ноябре. Вечером пришли юноши и девушки. Среди них Мария Александровна узнала нескольких своих бывших учеников. Поздоровавшись с ребятами, она ушла в свою комнату, но звуков музыки так и не услышала. В комнате сына все время было тихо. Потом, когда ночью гости ушли, она спросила Юру, зачем приходили его товарищи. Юра улыбнулся, поцеловал мать в щеку и ответил:

— Будешь все знать, скоро состаришься, а я хочу, чтобы ты всегда была молодой!

Мария Александровна рассказала мне, как однажды Юра пришел домой вместе с Жорой Арутюнянцем. Жора сразу же повалился на диван и принялся громко хохотать, а Юра стоял, прислонившись к дверному косяку, и сдержанно улыбался.

— В чем дело, Жора? — удивилась Мария Александровна.

— Ой, не могу!.. — давился от смеха Арутюнянец. — Мы только что были на базаре, так Юрка незаметно полицая на спину приклеил листовку: «СМЕРТЬ ПОЛИЦАЯМ!» Полицай, дурак, идет себе и в ус не дует, а народ ему вслед смотрит да посмеивается!

Жора Арутюнянц

Радик Юркин

И такое проделывал не только Юра. Все они были отважны, по-хорошему дерзки и очень молоды. Самому старшему, Михаилу Шищенко, 25 лет, а самому юному, отчаянно храброму мальчишке Радика Юркину — 14. Там же, в молодогвардейском подполье, Радика приняли в ВЛКСМ. Комсомольский билет вручил ему комиссар «Молодой Гвардии» Олег Кошевой.

Юра участвовал в разгоне скота, приготовленного фашистами для отправки в Германию. Вместе с товарищами на хуторе Водяном он совершил нападение на немецкую машину с оружием. Молодогвардейцы перебили охрану, а оружие взяли в свой арсенал, хранившийся в разрушенной бане. На рассвете Юрий вернулся домой, забрызганный грязью, одежда разорвана, и, не раздеваясь, тяжело опустился на диван. Он рассказал матери про свое участие в нападении на вражескую автомашину. Мария Александровна была потрясена:

— Да как же вы этих зверей... *голыми руками?! —* И она крепко прижала к себе сына...

Да... С точки зрения оккупационных властей они были, как бы сейчас выразились, отъявленными «экстремистами». Но в глазах краснодонцев они навсегда остались героями.

Дерзкие нападения на оккупантов стали для молодогвардейцев нормой. Они отлавливали полицаев по одному и вешали как изменников Родины. Осенним вечером Иван Туркенич, Василий Пирожок, Василий Борисов и Михаил Григорьев нашли за городским парком еле присыпанное землей тело расстрелянного коммуниста. Желая отомстить за него, они пошли в парк и повесили на дереве сразу двоих полицаев. Произошло это так быстро и бесшумно, что другие полицаи, патрулировавшие соседние аллеи, ничего не услышали и только позже обнаружили находку, приведшую их в ужас. Фашисты и полицаи рвали и метали, но народные мстители были неуловимы. Об этих актах возмездия знали все жители оккупированного Краснодона. Люди видели, что Советская власть не ушла навсегда: она здесь, рядом, и беспощадно карает предателей. Крепла вера в то, что она скоро вернется и прогонит оккупантов!

Мария Александровна писала в своих воспоминаниях: *«Против нашего дома расположен гараж, в котором в дни оккупации помещалась ремонтная база. Работало там много наших военнопленных. С ними знакомится Юра. И в момент, когда немецкие машины собрались из Краснодона выезжать, Юра привел к нам 10 человек военнопленных. Наутро они разошлись по другим квартирам, у нас остался один Василий из Ставропольского края. Три недели мы его прятали, а когда немцы пришли с обыском, Василия не нашли. Нас предупредили вовремя, мы успели его перепрятать».*

Захватчики объявили набор «желающих трудиться в пользу великой Германии». На бирже фашисты и полицаи принудительно регистрировали тех, кому предстояло восстанавливать разрушенные шахты. Мария Александровна была уверена, что Юрий поступит, как настоящий комсомолец, и откажется работать на врага. Как же поразила ее, когда, возвратившись домой в компании с Жорой Арутюнянцем, Юра объявил ей, что устроился слесарем в механические мастерские, где уже работали Ф. П. Лютиков, Н. П. Бараков и молодогвардеец Володя Осьмухин!

Леня задохнулся от негодования:

— Ты что, с ума сошел, фашистам помогать?!

Но старший брат весело перемигнулся с Арутюнянцем:

— Ничего, братишка, мы им там нарботаем...

Юра нарочно работал плохо, портил оборудование. Работы по восстановлению шахты № 1 «Сорокино» подвигались медленно. Часто «почему-то» отсутствовало электричество...

Вскоре М. А. Виценовскую срочно вызвали в дирекцион оккупационных властей, размещавшийся в школе имени Горького. На нее орали:

— Какая же вы учительница, если не смогли воспитать своего сына? Он же лодырь!

И пригрозили повесить Юру как саботажника.

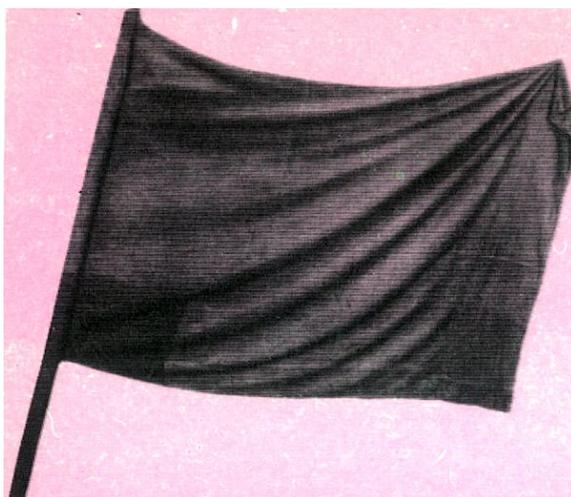
Эти слова не были пустой угрозой: почти ежедневно в Краснодоне совершались казни. Вечером Юра вернулся с шахты и сел ужинать. Мать рассказала ему об угрозе оккупантов и просила быть осторожнее.

— Не волнуйся, мамочка,— ответил сын.— Мы на рожон не лезем. А они нагреются донбасским угольком, как же! Сами-то в шахту лезть боятся, ругаются, а сделать ничего не могут.

Штаб «Молодой Гвардии» принял решение отметить четверть века нашей революции — вывесить над Краснодоном красные флаги. В ночь на 7 ноября 1942 года

ушли боевые пятерки на выполнение задания: развесить по городу красные флаги. Над родной школой № 4 Сергей Тюленин со своей боевой группой водрузил красный флаг и около него оставил табличку: «Не трогать — заминировано!» Такой же флаг взвился над шахтой № 1-бис. Утром гитлеровцы и полицаи отчаянно ругались, но снимать флаги долго не решались.

Почти целый день развевались алые полотнища над Краснодоном, напоминая о празднике, о непобедимости народа, совершившего Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Мать молодогвардейца Володи Осьмухина вспоминала, как в тот день в их дом со слезами радости на глазах вбежала ее сестра и сообщила: «Наши родненькие флаг вывесили!»

Этот флаг молодогвардейцев пламенел над непокоренным Краснодоном 7 ноября 1942 г.

Рисунок. Юрий Виценовский подпиливает канат спусковой клетки на шахте №1 «Сорокино»

Пила, которой Юрий Виценовский подпилит канат спусковой клетки на шахте №1 «Сорокино», и часть подпиленного каната. Стенд музея «Молодой Гвардии», г. Краснодон

В конце ноября по заданию штаба и лично коммуниста Н. П. Баракова Юра совершил диверсию на шахте № 1 «Сорокино», где он работал слесарем. Это была единственная отремонтированная шахта, которую фашисты уже собирались пустить. Рискую жизнью, прямо под носом у часовых Юрий подпилит канат подъема. При пробном спуске пустую клеть спустили до самого низа и благополучно подняли на-

верх. Но когда ее загрузили оборудованием и начали спуск, канат оборвался, и клеть понеслась в черную 250-метровую пропасть. Она оборвала электропроводку, поломала опалубку, коммуникации водоснабжения и заклинила ствол шахты. Надежды захватчиков наладить добычу краснодонского угля рухнули окончательно. Шахта № 1 «Сорокино» была полностью восстановлена только после освобождения города Красной Армией.

Музей «Молодой Гвардии» в г. Краснодоне. Экскурсовод рассказывает пионерам о подвиге Юрия Виценовского у стенда, посвященного ему. 1971 г.

У меня дома как реликвия хранится красочный альбом, который посвящен краснодонской подпольной организации «Молодая Гвардия», изданный в 1972 году на украинском языке в Киеве издательством «Молодь» («Молодежь»). На одном из снимков в этом альбоме посетители рассматривают стенд, посвященный дяде Юре, а сбоку от снимка - приписка, сделанная рукой Марии Александровны Виценовской:

«Этот стенд посвящен сыну моему Юре Виценовскому, который по заданию Ф.П. Лютикова и Баракова в 1942 году совершил диверсию на шахте Сорокино. Представленной на стенде пилой он подпилит стальной канат, на котором держалась клеть. При пробном спуске клетки канат оборвался. С пушечным грохотом клеть рухнула вниз, ломая на своем пути все оборудование. В результате диверсии фашисты не получили ни грамма краснодонского угля!

*М.А. Виценовская
13/VIII- 73 г.»*

Я сразу же узнал эту пилу. В хозяйстве Марии Александровны имелась точно такая же, сестра-близнец той, что на стенде. Ею мне приходилось работать. А до меня она знала прикосновение рук Юры и Лени Виценовских...

У стенда, посвященного Юрию Виценовскому

В декабре 1942 года молодогвардейцы устроили концерт в клубе имени А. М. Горького. Сделано это было нарочно для того, чтобы собрать в одном месте как можно больше гитлеровцев и полицейев, чтобы на улицах города их оставалось как можно меньше. Пока оккупанты и их верные прислужники развлекались в клубе, взяла да и сгорела городская биржа. Вместе с ней сгнули списки жителей, подлежащих отправке в Германию. На составление новых списков требовалось много времени, и изготовить их до освобождения города Красной Армией фашисты так и не успели. Таким образом, благодаря «Молодой Гвардии» краснодонцы были избавлены от угона в фашистское рабство.

Под Новый 1943 год в городе появились немецкие грузовики с новогодними подарками для солдат и офицеров вермахта. Члены штаба «Молодой Гвардии» приняли решение эти машины, что называется, «разгрузить». Мешки с подарками спрятали по квартирам, а часть принесли в клуб имени А. М. Горького — центр подпольной работы.

И все бы прошло незаметно, но ребята решили часть сигарет из новогодних подарков продать на базаре. Это была роковая ошибка. Один из привлеченных к этому делу мальчишек попался с поличным, был схвачен полицией, не выдержал побоев и ночью 31 декабря выдал тех, кто дал ему сигареты.

Выслуживаясь перед своими хозяевами, полиция утром 1 января 1943 года ворвались в зрительный зал клуба имени А. М. Горького, арестовали директора — молодого коммуниста Евгения Мошкова, а затем схватили руководителя струнного кружка Виктора Третьякевича. Не многим позже арестовали Ивана Земнухова.

Однако эти аресты еще не означали провала организации. Полиция полагала, что имеет дело всего лишь с воришками. Начальник краснодонской полиции Соликовский, узнав, за какие «проделки» задержаны эти юноши, приказал следователю Кулешову:

— Подержи их несколько дней в холодной, выпори хорошенько, а потом гони в шею. И так в камере тесно...

Но среди молодогвардейцев нашелся предатель. В тот самый день, когда полиция собирались выпустить Мошкова, Земнухова и Третьякевича, произошло событие, ставшее трагическим для «Молодой Гвардии». Начальник шахты № 1-бис — изменник Родины Жуков — передал начальнику районной жандармерии гауптвахтмайстеру Зонсу заявление, поступившее от Геннадия Почепцова. Тот, опасаясь за свою шкуру, сначала рассказал об организации своему отчиму, инженеру Василию Громову (не имеет никакого отношения к Ульяне Громовой). Отчим был агентом полиции, и под его диктовку Почепцов написал донос, выдав «Молодую Гвардию». Он составил большой список фамилий молодогвардейцев, которых знал. За помощь немцы обещали Почепцову деньги и хорошую жизнь...

Новый год молодежь Краснодона встречала в приподнятом настроении. Все знали, что фашистов бьют под Сталинградом, и это поднимало настроение, вселяло надежду на скорое освобождение. Были тосты за победу, вполголоса пели советские песни...

Но потом начались аресты. В первую же ночь было схвачено восемнадцать юных подпольщиков. Штаб «Молодой Гвардии» принял решение приостановить деятельность подпольной организации и разойтись. Часть комсомольцев, в том числе и Юрий Виценовский, осталась в городе, полагая, что о них ничего не знают, и ничто им не грозит, но другая часть город покинула. Ушел в сторону линии фронта Сережа Тюленин. Туда же, но другой дорогой, отправился и Радик Юркин, прихватив с собой автомат, который передала ему Надя Тюленина. Компанию Радик составил его закадычный друг Степа Сафонов. По пути они расправились с двумя полицейскими, а позже наткнулись на группу гитлеровцев. Вскинув автомат, Радик длинной очередью покروшил их всех до одного. Забрав у убитых немцев оружие, друзья двинулись дальше. Потом их пути разошлись. Степа двинулся в сторону Каменска, где вскоре погиб. Радик пошел в сторону городка Красный Луч, благополучно добрался до расположения наших войск и остался жив.

Вместе с Аней Соповой, Сеней Остапенко, Мишей Григорьевым, Витей Субботинным и Димой Огурцовым Юрий составлял план освобождения томлящихся в полиции товарищей. За эти январские дни он исхудал, начал курить и все время о чем-то напряженно думал.

— Эх, жаль, Сережки нет! — услышала однажды возглас сына Мария Александровна. Она ничего не сказала, но догадывалась, зачем нужен был Юрию Тюленин.

Юра и Аня Сопова подготовили 2 автомата, 700 патронов и гранаты. Нападение на полицию должно было состояться 17 января. Юре и Сергею Левашову (двоюродный брат Василия Левашова) поручили взорвать дирекцион, но в последнюю минуту от этого плана пришлось отказаться, так как при взрыве могло пострадать много мирных жителей...

В середине января обагрились первой кровью стены шурфа шахты № 5, а беда все еще обходила стороной дом Виценовских. 25 января Юрий попросил у матери разрешения на то, чтобы у них дома переночевал «один человек». Мария Александровна ни о чем не спросила и согласилась. Юра ушел на работу в ночную смену, а поздно вечером в окно постучали. Выйдя в заснеженный двор, Мария Александровна сразу узнала Васю Левашова. Его по всему городу разыскивала полиция...

Василий Левашов, единственный оставшийся в живых член штаба «Молодой Гвардии», через много лет написал в своих воспоминаниях о том, что в семье Виценовских он нашел приют в такое тяжелое и опасное для себя время.

Все было готово к нападению на полицию. Группа Юры уже вот-вот должна была освободить арестованных товарищей. Из бани принесли гранаты и бикфордов шнур, приготовили огнестрельное оружие. Но предательство не позволило осуществить задуманное.

С 18 до 26 января включительно в городе арестов не было. Но 27-го Юру арестовали. Он дежурил ночью охранником в горноспасательном отряде, куда его недавно перевели. Об этом дне Мария Александровна вспоминала так: *«В эту ночь, видно, не хотелось ему идти на работу... Уходя, он остановился, прислонился к косяку двери, долго смотрел на всех нас, как будто прощаясь с нами...»*

Через какое-то время к дому подъехали сани с полицаями. В дверь яростно застучали. Мария Александровна сбросила дверной крючок. Ее грубо оттолкнули и загромыхали коваными сапогами по коридору, ведущему в комнаты.

Полицаи орали:

— Где твой комсомолец, учительша? И до него очередь дошла!

Мать поняла, что случилось то страшное, чего она больше всего боялась все эти проклятые пять месяцев вражеской оккупации. Она сама удивилась своему спокойствию:

— Не знаю. Теперь ведь такая молодежь, матери не докладывают, куда уходят...

Сквернословя, полицаи ушли. Выйдя за ними, Мария Александровна заметила в саних, запряженных двумя лошадьми, парня, лежавшего лицом вниз с руками, скрученными сзади проволокой. Потом она узнала, что это был молодоговардеец Миша Григорьев — из пятерки Бориса Главана, пятерки, в которой состоял предатель Почепцов.

Примерно через три часа полицаи вернулись — забирать имущество. Мать сразу все поняла: сына взяли. Она будто окаменела: стояла и безучастно смотрела, как гитлеровские прихвостни швыряли в мешок какие-то вещи...

Мария Александровна рассказала мне, как арестовали дядю Юру. В 2 часа ночи полицаи пришли в дирекцию шахты, потребовали вахтера и велели ему найти Вице-новского. Разыскав Юрия, вахтер бросил ему:

— Иди в дирекцию. Там тебя вызывают.

Если бы вахтер сказал: «Там тебя полиция спрашивает» или еще как-нибудь намекнул на то, кому он понадобился! Забор, огораживавший территорию шахты, был невысоким. Спортивному Юре не составляло никакого труда его перемахнуть, и он был бы спасен! Но вахтер этого не сделал. Ничего не подозревая, Юра пришел в дирекцию и был схвачен полицаями...

Я не мог сдержать охватившей меня ярости. Из души вырвалось:

— Бабушка Муся! Что стало потом с этим вахтером? Его нашли, этого предателя? Расстреляли гада?!

Но этого Мария Александровна не знала...

27 января почти в тот же час, что и Юрий, был арестован Сергей Тюленин, который вернулся домой с линии фронта, серьезно раненный в руку. На него донесла соседка по фамилии Лазуренко. Тогда же схватили Аню Сопову, Семена Остапенко и Витю Субботина.

Мария Александровна и ее сестра Галина Александровна считали, что Юрия выдала некая Толстенева, на квартире у которой иногда встречались ребята из Юриной группы. Жаль, что мне неизвестны результаты расследования этого факта советскими компетентными органами.

В фашистских застенках молодогвардейцы подвергались бесчеловечным пыткам. Били. Ломали кости. Жгли. Сажали на раскаленную печь. Рвали губы и уши. Выкалывали глаза. Отрубали конечности. И делали это, как правило, не немцы, а предатели-полицаи — долго маскировавшееся при Советской власти контрреволюционное отребье, выродки. Желая выведать тайну подпольной организации, палачи шли на самые жестокие и самые зверские пытки, перед которыми бледнеет средневековая инквизиция. Кабинет начальника городской полиции был главным местом истязаний

арестованных. В нем абсолютно все было забрызгано кровью. Особенно зверствовали сам начальник полиции Соликовский, его заместитель Захаров, следователь Кулешов и полицай Подтынный. Но никакие пытки не сломили героев-молодогвардейцев. Пощады не просили. Когда в 1959 году был разоблачен и предан суду, пожалуй, самый лютый палач молодогвардейцев Василий Подтынный, тот рассказал, как мужественно вели себя на допросах и не сломались под страшными истязаниями Сергей Тюленин, Ульяна Громова, Виктор Третьякевич, Юрий Виценовский...

Орудия пыток. Ими пытали молодогвардейцев.

Из застенка Юрий присылал домой записки, оборудовав тайник в термосе, в котором мать передавала ему пищу. Несмотря на физические муки, ожидание близкой казни, он беспокоился о матери и младшем брате Лене.

31 января Мария Александровна вместе с сестрой Галиной понесла Юре передачу в надежде что-нибудь узнать о нем. У ворот полиции она встретила с матерями Любы Шевцовой, Ани Соповой, Вити Субботина, Димы Огурцова и Миши Григорьева. Никто ничего не знал о судьбе своих детей. Забрав пустую посуду от передачи, обе сестры поспешили домой, надеясь найти записку от Юры. И не ошиблись. Юра писал:

«Дорогие мои!

Я нахожусь в одной камере с П. А. Крутецким. Обвиняемся в одном и том же. Так что ваши предположения не верны. Помиритесь с П. А. В камере с нами сидят политические и воры. Одни смеются, др. плачут. Нашу судьбу решает фронт. Если отгонят, попадем в конц. лагерь. Но этот гул сделает свое дело. С тревогой жду ночи. Обо мне не беспокойтесь, берегитесь сами. Спасибо за бурки и одеяло. Теперь

мне тепло. Передачу получил. Не присылайте так много. Здесь что-то есть не хочется. Не передавайте хорошей посуды. Если что... пропадет.

Мамочка! Получи мой паек хлеба и зарплату, все это вам пригодится».

(Документ из фонда Московской школы № 312)

Записку Юрий Виценовский передал родным утром 31 января 1943 года за несколько часов перед казнью.

Он был романтик. До последней минуты в его душе теплилась надежда, что его судьбу решит фронт: бои шли в нескольких километрах от Краснодона, и орудийный гул в камерах слышали. Он гордился тем, что палачи не могут сломить его волю, и, подражая любимым литературным героям, записки из тюрьмы писал шуточные и патетические.

Крутецкий, о котором упомянул в своей последней записке Юра, был начальником связи и жил рядом с Виценовскими. В детстве Юра дружил с его детьми. Крутецкий пошел на службу к немцам, и поэтому Виценовские порвали с ним отношения. Правда, Крутецкий потом помог Юрию устроиться слесарем на шахту, но на его счет Юрий глубоко заблуждался: тот сидел с ним в камере в качестве фашистского провокатора.

Вечером Юрий Виценовский мужественно принял смерть. Молодогвардейцев сталкивали в шурф шахты № 5 в связке по пять человек. Юрия гитлеровские палачи сбросили вместе с его школьным другом, Сергеем Тюлениным. Вместе с молодогвардейцами были казнены и руководители большевистского подполья — коммунисты Ф. П. Лютиков и Н. П. Бараков.

У Юрия на теле остались следы от плети. На спине была вырезана ножом красная звезда. Некоторые источники утверждают, что он был расстрелян, но это не соответствует действительности. Когда тела молодогвардейцев были извлечены из шурфа, следов от пуль на теле Юрия не было. В шурф его сбросили живым. Через 23 дня Юре исполнилось бы девятнадцать лет.

Шурф шахты № 5, место казни молодогвардейцев

Похороны молодогвардейцев

9 февраля после изощренных пыток в Гремучем лесу возле городка под названием Ровеньки были расстреляны Олег Кошевой, Люба Шевцова, Дима Огурцов, Витя Субботин и Сеня Остапенко.

Спустя две недели после казни Юры и его товарищей в город вошли части Красной Армии. Леня Виценовский выбежал навстречу нашим, бросился к первому попавшемуся советскому танку и со слезами целовал его гусеницы. Не описать словами ту радость, которая охватила жителей шахтерского городка. Многим не верилось, что закончились эти проклятые пять месяцев фашистского кошмара...

Тела казненных подняли из шахты. Узнать Юру было невозможно: лица не было. Леня опознал брата только по росту, сорочке и расческе, которую вытащили у Юрия из кармана. Мария Александровна рассказывала мне, как Леня плакал и говорил: «Ой, расчесочка! Расскажи, как вы с братом в шахту падали...»

Юрий Виценовский посмертно награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени и похоронен в братской могиле героев на центральной площади города Краснодона.

Многих изменников настигло возмездие. В августе были преданы суду, а в сентябре 1943 года принародно расстреляны старший следователь полиции Михаил Кулешов, предатель Геннадий Почепцов и его отчим Василий Громов. Мария Александровна присутствовала при их расстреле. Рассказывала, что Громов вел себя вызывающе, а Почепцов стоял, опустив голову, и молчал. О чем думал тогда этот негодяй? Может быть, перед смертью он вспоминал оклеветанного им перед Советской властью Виктора Третьякевича, который на очной ставке в полиции выгораживал его, не догадываясь, что выгораживает предателя? А может, и вовсе не было у него никаких мыслей...

Не ушла от заслуженной кары и Лазуренко, соседка Тюлениных, выдавшая Сергея. Ее тоже расстреляли. Жаль, что удалось скрыться начальнику полиции Соликовскому и его заместителю Захарову. Их потом так и не нашли.

Леня тяжело переживал смерть старшего брата. Вскоре он добровольцем ушел на фронт мстить за Юру. На прощание сказал матери: «Знай, мама, стыдно тебе за меня не будет. За наших ребят мы будем мстить до последнего дыхания».

Но в том же 1943 году в дом Марии Александровны пришла новая беда. Она получила извещение о младшем сыне: «...пропал без вести на реке Миус». Кто-то из

однополчан рассказывал, что видел Леонида Виценовского, стоявшим рядом с пушкой, когда случилось прямое попадание снаряда. После того, как рассеялся дым, и улеглась поднявшаяся пыль, ни пушки, ни человека уже не было. Лене исполнилось только семнадцать лет.

Как передать словами горе матери, в один год потерявшей всех детей, матери, которой никогда не суждено стать бабушкой?.. Мария Александровна в жизни всегда была веселой и жизнерадостной. Я помню, как на встречу Нового 1970 года она приехала к нам, в Тулу, вместе с самой младшей сестрой — Любовью Александровной. Вместе с моей бабушкой они так уморительно шутили и заразительно смеялись за накрытым праздничным столом! Но, бывало, оставшись в комнате одна, Мария Александровна стояла и смотрела в окно, уставившись в одну точку. В такие минуты, возможно, незаметно для самой себя она напевала песню, где были такие слова:

*«Потеряла детей,
Грустно, бедненькой, ей...»*

От этого щемило сердце, и наворачивались слезы. Я, молча, подходил к ней, обнимал, и так мы стояли...

Краснодонский поэт Геннадий Кирсанов в своем стихотворении, посвященном М. А. Виценовской, писал:

*«Но январской полночью
Он ушел в бессмертие,
Мужественно вынесши
Пытки палачей.
Марья Александровна,
Вы сейчас поверьте мне,
Что теперь имеете
Сотни сыновей!»*

Мария Александровна Виценовская, 1976 г.

Когда позволяло здоровье, Мария Александровна ехала туда, где хотели увидеть мать молодогвардейца из Краснодона. Тогда, в советское время, были пионерские дружины, производственные бригады имени Юрия Виценовского. Молодежь слушала ее рассказы о молодогвардейцах, затаив дыхание. Выступала она и в ставшей для меня родной Туле. Она делала все, что было в ее силах, чтобы сохранить в народной памяти светлый образ юных патриотов...

Никогда не забуду день 19 июня 1972 года. Мы с отцом гостили тогда у Марии Александровны. Ее пригласили в пионерский лагерь «Веселый улей» на реке Северский Донец. Там должно было состояться торжественное открытие бронзовых бюстов пяти погибших членов штаба «Молодой Гвардии» и зажжение вечного огня. Мы поехали с ней. В специально присланном за нами микроавтобусе я познакомился с легендарным Радием Петровичем Юркиным, который тоже ехал на церемонию открытия. С ним была его дочь Лена, перешедшая в седьмой класс. Приехав в лагерь, мы отправились вдвоем с Радием Петровичем на берег реки. Плавали, загорали на берегу, беседовали о «Молодой Гвардии», об авиации и флоте, где ему довелось служить после войны.

Радий Юркин — летчик морской авиации

После этого состоялась встреча с пионерами. Выступали Р. П. Юркин и М. А. Виценовская. Я фотографировал. Церемония открытия была вечером. Ничего торжественнее не видел. Уже одно то, что вечный огонь зажегся в пионерском лагере, — событие небывалое! Звучали стихи, торжественная музыка и литавры, пылали факелы в руках пионеров, несли гирлянду славы. И на этом фоне — пение цикад, а над головой — черное-пречерное звездное небо, какое бывает, наверное, только на Украине...

Ворошиловградская область. Пионерский лагерь «Веселый улей». Зачехленные бюсты Олега Кошевого, Сергея Тюленина, Ивана Земнухова, Ульяны Громовой и Любви Шевцовой до церемонии открытия и зажжения вечного огня. 19 июня 1972 г.

Слева направо: М. А. Виценовская, Р. П. Юркин, Лена Юркина и воспитатель пионерского лагеря «Веселый улей». 19 июня 1972 г.

У себя дома Мария Александровна бережно хранила почетные грамоты от воинских частей, где ее благодарили за активное участие в воспитании воинского состава. Советская Армия помнила о подвиге «Молодой Гвардии». Советские солдаты держали равнение на героизм краснодонских молодогвардейцев.

Перед пионерами с микрофоном в руке выступает Р. П. Юркин. Справа от него — М. А. Виценовская. Пионерский лагерь «Веселый улей». 19 июня 1972 г.

Мария Александровна Виценовская пережила своих сыновей ровно на сорок лет. Она не дождала до времени, когда Краснодар стал для России заграничным городом, а российская школа с послушанием и усердием вытравляет из памяти нового поколения подвиг молодогвардейцев и нравственные ценности того героического времени.

Наверное, хорошо, что не дожила. Ей, Учителю и Человеку с большой буквы, было бы стыдно за своих коллег и очень больно...

С сестрой Галиной она часто приходила к покрытой гранитом братской могиле, где покоится ее сын, безмолвно стояла у стелы «Скорбящая мать». Она и сама в такие минуты была похожа на изваяние, как, впрочем, и все матери молодогвардейцев, сюда приходившие. Это сходство чутко уловил Геннадий Кирсанов, написавший:

*«На центральной площади
Я на стеле каменной,
Около которой
Вечные цветы,
Мамы Виценовского
Вижу образ пламенный —
Сердцу дорогие,
Милые черты...»*

Скорбь краснодонских матерей... Стела Скорбящей Родины-матери с Вечным огнем. Авторы — луганские скульпторы П. Кизиев, А. Редькин, А. Самусь, архитектор Г. Головченко. Установлена в мае 1965 года, в ознаменование 20-летия Великой Победы. На фоне стелы — Мария Даниловна Лукашова, мать молодогвардейца Геннадия Лукашова.

СЕРЕЖА

Я стоял на площади перед школой имени А. М. Горького в глубокой задумчивости. Чем больше я смотрел на школьную крышу, тем больше овладевало мной какое-то непонятное волнение. Я с недоумением переводил взгляд на здание, находившееся напротив школы. Во время фашистской оккупации Краснодона в нем был штаб гитлеровцев. В его окна влетели бутылки с зажигательной смесью, брошенные рукой Сережи Тюленина, и здание быстро занялось пожаром. В романе Александра Фадеева «Молодая Гвардия» говорилось о том, что Сергей бросал бутылки из слухового окна школьного чердака. То же самое утверждали и другие источники. Об этом часто говорили между собой жители Краснодона.

Я снова посмотрел туда, где находился школьный чердак, и, наконец, оформилась крамольная мысль: а не далековато ли он находится от здания бывшего штаба? И я решился на эксперимент. Подойдя к школьной стене и повернувшись к ней спиной, стал отсчитывать шаги. Их оказалось что-то около ста. Если мой шаг примерно равен 50 сантиметрам, то получается метров 50. На такое расстояние бутылку, наполненную зажигательной смесью, может послать только хорошо тренированный, физически сильный спортсмен, да и то с разбега. А худенький паренек, каким был Сережа, да без разбега, да еще из положения на коленях?.. И ведь мало добросить,— главное — точно попасть в окно, а не в стену... Нет. Невозможно.

Но ведь поджог штаба действительно был, и абсолютно точно известно, что совершил его именно Сережа Тюленин!

Полагаю, что здесь произошло наложение друг на друга двух действительно имевших место фактов. Факт первый: Сережа вел наблюдение за зданием фашистского штаба со школьного чердака, высматривая, куда бросать бутылки. Из слухового окна лучше всего просматривались окна штаба. Факт второй: Сережа действительно поджег гитлеровский штаб. Но чтобы точно попасть, ему надо было приблизиться на достаточное расстояние, *подбежать* к самому зданию штаба. По сравнению с общепринятой версией, оказавшись на довольно широком и открытом пространстве, Сергей серьезно рисковал жизнью. Ведь если бы его заметили, то могли скосить из автомата. До чего же отважен был этот семнадцатилетний парень!

Да, похоже, действительность оказалась куда более героической, чем то, что донесла до писателя людская молва. Но если уж людям так хочется, пусть живет эта красивая легенда!

Я повернулся и направился в сторону музея «Молодой Гвардии».

Возвращался я, переполненный самыми светлыми чувствами, и на ходу рассматривал только что приобретенный красочный альбом, посвященный подвигу краснодонских комсомольцев. Возникла мысль собрать автографы родителей и ближайших родственников молодогвардейцев. Мария Александровна это одобрила. Как раз в это время к ней зашла сначала сестра Владимира Осьмухина, а потом сестра Сергея Левашова.

На другой день пришла мать Жоры Арутюнянца, Татьяна Никитична, носившая траур по сыну. Георгий Минаевич Арутюнянц, друг Юрия, умер от рака в конце апреля шедшего 1973 года.

В дом Левашовых я заглянул, когда приехал в отпуск с детьми капитан первого ранга Василий Иванович Левашов, единственный оставшийся в живых член штаба «Молодой Гвардии». Он искренне обрадовался, когда ему сказали, что пришел племянник Виценовского, и я получил автограф. Василий Иванович Левашов остался в моей памяти простым, улыбчивым, радушным и очень скромным человеком. Мне стоило труда упросить его написать рядом с автографом слова «член штаба».

Конечно же, сделала записи на страницах альбома и Мария Александровна.

Стояла середина августа 1973 года. Через две недели должны были начаться занятия в институте, и я стал готовиться к отъезду домой. Между делом я как-то вздохнул и пожалел о том, что в альбоме нет автографа матери Сережи Тюленина. Мария Александровна сказала:

— А ты сходи к ней. Она живет на улице Ломоносова. Вообще-то она никого не принимает: ей уже за девяносто, но ты скажи, что от меня...

Дом, где жила Александра Васильевна Тюленина, находился в частном секторе, одноэтажный, огороженный крепким дощатым забором темно-зеленого цвета. Я постучал, а сердце от волнения так колотилось... Дверь открыла седая женщина, и я понял, что это сестра Сергея. Когда она узнала, от кого я пришел, немедленно впустила и пошла сказать матери. Несмотря на такой почтенный возраст, на крыльце порывисто, быстрым шагом, появилась, опираясь на палку, сама Александра Васильевна и протянула мне руку. До чего же крепкое было рукопожатие! От многих в Краснодаре я слышал о решительном и твердом характере Сережиной матери, ее тяжелой руке, под которую, бывало, попадал ее озорной сын. Одни (наверное, те, кому от нее доставалось на орехи) называли ее «крутой бабой», другие — уважительно и с оттенком благоговения — «великой бабкой». На левой щеке ее отчетливо проступал шрам, полученный в фашистском застенке. Голос Сережиной мамы был тверд и приветлив.

Александра Васильевна Тюленина, мать Сергея Тюленина.

Александра Васильевна провела меня на кухню, и мы сели за небольшой столик лицом к лицу. Я представился, сказал, что живу в Туле и учусь на факультете иностранных языков Тульского пединститута имени Л. Н. Толстого. Неожиданно это произвело на нее сильное впечатление. Она всплеснула руками и воскликнула:

— Из Тулы! Господи! Да мы же тульские! Сережа родился в Новосильском районе. Правда, этот район теперь относится к Орловской области, но мой отец сидел в 1905 году в тульской тюрьме, и я к нему туда добиралась...

Василий Афанасьевич Галкин, отец Александры Васильевны, жил со своей семьей в Киселевке Новосильского уезда, ныне Орловской области. Где только ни приходилось ему побывать в поисках заработка! В своих странствиях он познакомился с большевиками и по их поручению распространял по селам нелегальную литературу. Во время революции 1905 г. принял участие в крестьянском бунте и попал в тульскую тюрьму.

«Много сил для освобождения Василия Афанасьевича приложила его жена, т.е. наша бабушка,— писала в воспоминаниях Надежда Тюленина.— Сначала она съездила в Москву к известному адвокату того времени Ф.В. Плевако, а потом сходилла и в Ясную Поляну ко Льву Николаевичу Толстому... Через год после тюремного заключения нашего дедушку с волчьим билетом выпустили на свободу».

Но испытания не сломили Василия Афанасьевича. Он все равно держал связь с большевиками и выполнял их задания. Дочь Александра, будущая мать Сергея Тюленина, помогла в этом отцу. Когда Сережа учился в школе, она часто рассказывала ему об этом.

Отец Сергея, Гаврила Петрович Тюленин, в 12 лет покинул родную Тулу — тоже в поисках заработка. Оказавшись в Донбассе, он стал работать на шахте «Мария». Работа была тяжелой, но профессия забойщика ему понравилась. Первая жена Г. П. Тюленина умерла, осиротив пятерых маленьких детей. Вскоре двое из них тоже умерли.

В годы гражданской войны погиб первенец Тюлениных — Сергей. Тот первый Сергей работал на шахте «Мария» и был секретарем комсомольской ячейки. Из воспоминаний Надежды Тюлениной: *«Когда летом 1919 г. в Донбасс ворвались денкиницы, они учинили жестокую расправу над Сергеем. Привезли его в Юзовку (ныне город Донецк — В. Р.), замучили там и сбросили в шахту. В память о нем родители назвали самого младшего члена нашей семьи тоже Сергеем. Хотя старший и младший Сергей жили в разное время, но их судьбы совпали. Ужасное совпадение!»*

Александра Васильевна спросила меня, кем я довожусь Марии Александровне Виценовской. Я ответил, что моя бабушка приходится ей родной сестрой, что она местная уроженка и работала вместе с дедушкой в школах имени А. М. Горького и № 4.

— А мой дедушка был учителем биологии у Василия, старшего брата Сережи.

— Вот как!- сказала Александра Васильевна.— Вообще-то Вася не мой сын. Я ведь у Гаврилы Петровича вторая жена. И он у меня второй. Но наши дети стали нашими общими детьми. И Васю я сыном считаю.

Осенью 1923 г., взяв оставшихся в живых детей, дочь Марфу и сына Василия, Г. П. Тюленин приехал на жительство в Киселевку. Здесь он встретился с Александрой Васильевной. Первый ее муж, Алексей Тимофеевич Жучков, умер от тифа в марте 1923 г., и Александра Васильевна осталась с шестью дочерьми. У нее была избенка, лошадь, корова и пара овец. Чтобы прокормить детей, она трудилась, не разгибая спины, но концы с концами сводились плохо. Да и Гавриле Петровичу нелегко было

одному воспитывать двух детей. Приглянулись они друг другу и в октябре 1923 г. поженились. Всех дочерей жены Гаврила Петрович записал на свою фамилию. Объединив детей от первых браков, они создали одну большую и дружную семью. Она еще больше сплотилась, когда там же, в Киселевке, 12 августа 1925 года родился их общий сын и братишка Сережа, самый младший.

Спустя некоторое время Гаврила Петрович затосковал по привычному шахтерскому делу и уехал обратно в Донбасс. Он устроился на шахту в Сорокинском руднике на Луганщине. Вслед за ним всем табором переехала к нему огромная семья, а с ней и Сережа, которому тогда исполнилось всего несколько месяцев.

Время было трудное. Детских ясель и садов в шахтерском поселке еще не было, и малыша приходилось часто оставлять дома одного, без присмотра. Для Сережи оставаться одному стало делом привычным, и он познавал мир самостоятельно, осматривая все вокруг себя живыми и пытливыми глазенками. Очень его интересовало оконное стекло, которое от уличного шума дребезжало. Это очень нравилось Сереже. Было ему тогда годик с небольшим. Он вскарабкался сначала на лавку, потом на стол, подполз к оконному стеклу и стал его изучать. Он давил на него до тех пор, пока оно не лопнуло. К счастью, обошлось без порезов. В образовавшуюся дырку он начал сбрасывать все, что было под рукой и проходило по габаритам. Заметившие это соседи подняли тревогу, и вскоре домой прибежала мать.

Дом, в котором жил Сергей Тюленин

В пять лет он решил выяснить, почему у коров рога. Увидел, что пастух гонит стадо, и выбежал навстречу.

— А в стаде была одна сивая корова, такая бодливая! — рассказывала Александра Васильевна. — Она к Сережке и поддень его на рога! И как через себя бросит... Ударился он о дорогу больно, а не заплакал. Да и плакать-то когда? Эта корова опять бежит к нему, — ведь рогами проткнет, затопчет копытами! Сережка схватил горсть пыли и швырнул ей в глаза, а потом еще, еще... Та мордой мотает, не видит ничего. Да, наверно, все равно она б его растоптала, но, спасибо, мимо какой-то рабочий проходил, он ее палкой отогнал. Тут и пастух подбежал. «Цел?» — спрашивает. А у малого нога в крови. Больно. Заплакал Сережа. «А почему, — спрашивает, — она драться кинулась? Я ж ее не трогал». Пастух его поднял: «Не падаешь? Ну, и ладно. Дуй домой». Сережка опять: «А почему...» Пастух ему: «Давай до дому, а то Сивая вернется, она тебе так почемукнет!»

На другой день Сережка опять вышел навстречу стаду, а в руке палка. Пастух увидел его, удивился: «Ты что ж это, Сивую бить пришел?!» Сережка говорит: «Нет. Это чтоб она не думала, что я испугался...»

Сережа рос добрым и сердечным мальчишкой. Очень любил разных зверюшек. Как-то Гаврила Петрович пришел с работы раздраженный, запустил в кошку молотком и сломал ей лапку. Услышав душераздирающий крик своей любимицы, примчался маленький Сережа. «Кто Мурку бил?!» — закричал он, гневно сверкая глазами, хотя сразу понял, кто обидел кошку. Та забилась под шкаф и там жалобно мяукала. «Дед», как звали в семье Гаврилу Петровича, ворчал что-то насчет того, что жизнь слюнтяев и жалостливых не любит, а кошку надо за хвост да об угол. Сережа плакал, доставая ее из-под шкафа, и упрекал отца в жестокости.

— Я, как в комнату вошла,— продолжала Александра Васильевна,— так на «деда» напустилась: «Да чему ж ты детей учишь? Не со зверями им жить-то — с людьми!»

Гаврила Петрович зачастую был крут с домашними, но Александру Васильевну, женщину боевую, решительную, острую на язык, уважал и побаивался.

Потом Сережа и сестры наложили Мурке на лапку шину. Кошка поправилась, хотя и немного прихрамывала.

Его, самого младшего в семье, все любили и немного баловали. Гаврила Петрович часто приносил Сереже ржаных пряников, но мальчик всегда делился ими с сестрами и братом Василием.

Особенно дружен он был с младшими из семьи Тюлениных — Васей, Феней, Дашей и Машей. Никогда от них не отставал. Если он им надоедал, они, стговорившись, пытались убежать от него на реку. Но Сережа бегал очень быстро и всегда их отыскивал, а отыскав, торжествующе кричал: «А, гады, удрать хотели? Не удерете!»

За старшим братом, Василием, он бегал по пятам. Для Сережи было счастьем слушать Василия, делать ему приятное, даже просто нести Васину сумку с книжками. Он так и скакал, так и вертелся вокруг брата и задавал свои бесконечные вопросы, начинавшиеся с «зачем?» и «почему?».

Сережа очень хотел скорее пойти в школу, но ему говорили, что он еще маленький, и он с нетерпением ждал, когда вырастет. Старшие дети давали ему поносить школьный портфель. Он деловито расхаживал с ним по дому, как будто идет в школу. Потом доставал и рассматривал книги, тетради, пеналы.

Память имел поразительно цепкую. Однажды Василий, готовя домашнее задание, учил наизусть стихотворение к уроку украинского языка: «Сидить зайчик на морозі». Не успел брат выучить стихотворение, как маленький Сережа без всякой запинки его продекламировал, и все в доме хлопали ему в ладоши.

В семье Тюлениных дети были приучены к труду, и Сережа не отставал от старших. Когда в 1932 году Александра Васильевна привела его в школу имени Горького, на учительницу он произвел большое впечатление своей самостоятельностью и взрослостью, которая находилась в забавной дисгармонии с его маленьким ростом и копной непокорных волос (мать извинялась, что не успели подстричь). «Хочешь учиться в моем классе?» — спросила учительница. «Там видно будет,— солидно ответил Сережа.— Куда определят, там и буду учиться». И, заложив руки за спину, пошел за матерью.

Учиться в первом классе Сереже было откровенно скучно, так как всему, что проходили на уроках, его уже до школы научили брат и сестры: он и читать умел хорошо и считал лучше сверстников. Поэтому на уроках непоседа постоянно вертелся, толкал соседа, корчил девочкам рожи. Нередко за такие проказы его удаляли из класса. Но когда началось изучение материала, ему незнакомого, отношение к учебе

резко изменилось: он стал серьезен и внимателен. Учился без напряжения, чему помогала способность к быстрому и прочному запоминанию. Много и жадно читал. Библиотекарь школы даже пригрозила, что не будет давать ему книги, если чтение пойдет в ущерб учебе.

В тридцатые годы в школах работали педологи — представители науки, истинность которой и по сей день вызывает споры. В семидесятые годы XX века, когда я учился в пединституте, ее называли педнаукой и, на мой взгляд, справедливо. У педологов, по сути дела, все сводилось к тестам, так обожаемым современной российской школой. Но за деревьями педологи, похоже, не видели леса. И то, что произошло с Сережей Тюлениным, тому подтверждение.

Педологи задали Сереже вопрос: «Сколько вас, Тюлениных, братьев и сестер?» Мальчик ответил: «Шесть сестер и два брата». «А сколько всего детей в семье?» «Семь!» — сказал Сережа. Ему предложили посчитать лучше. «Семь!» — повторил он. В третий раз стали вместе считать на пальцах. «Так сколько будет детей?» «Все равно семь!» — стоял на своем мальчик. Педологи даже не попытались разобраться, почему Сережа так считает. И напрасно! У мальчика была своя логика, и он был прав. Действительно, сестер было шесть, но одна из них уже вышла замуж и жила в семье мужа, так что в семье Тюлениных детей и на самом деле было семь. А его сочли умственно отсталым!

Педологи настояли на переводе Сережи в класс для детей с замедленным развитием. Тех, кто там учился, в школе дразнили придурками. Александра Васильевна пришла в школу разъяренная, высказала педагогическому коллективу все, что она о нем думает, и перевела Сережу в школу № 4 имени Ворошилова, где педагоги на поверку оказались сильнее. Сережа попал к очень хорошим учителям. В школе № 4 работала М. А. Виценовская, и там Сережа подружился с ее сыном Юрой, учившимся на один класс старше, тоже, как и он, большим книголюбом. Соседкой по парте у Сережи была Люба Шевцова, девчонка боевая и справедливая, под стать самому Тюленину. Сережа попробовал было над ней беззлобно подшучивать, но получил такой отпор, что к Шевцовой прочно приклеилось прозвище «Тюленин в юбке». Впрочем, отношения у них сложились самые товарищеские.

Вот что писала о Сергее Тюленине его учительница А.Д. Колотович в своей книге «Дорогие мои краснодонцы»: *«Сережа показался мне мальчиком со своими задатками, к которым надо было относиться очень осторожно и серьезно. Заводила ребячьих игр и проделок вовсе не производил впечатления неисправимого баловника. Он любил пошутить, устроить игру, но вовсе не во вред кому-нибудь. Как все ребята сильного характера, Сережа предпочитал, чтобы с ним разговаривали, как со взрослым, и игры его принимали, как серьезные игры».*

Сережа имел очень большой авторитет среди ребят. Он был активным и общительным, к тому же храбр и решителен. Он умел постоять за себя и заступался за слабых. Не боялся вступить в драку с теми, кто был крупнее его. Однако умел улаживать конфликты и без рукоприкладства, если в том не было серьезной необходимости.

Удивительно одаренный от природы, Сережа играл на многих музыкальных инструментах, участвовал в школьной самодеятельности, замечательно танцевал лезгинку и гопак. Посещал практически все кружки — драматический, хоровой, струнный. С особенным увлечением занимался он в авиамodelьном кружке. С одной из своих работ на выставке в Ворошиловграде (Луганске) он занял первое место.

Сережа мечтал стать летчиком и бредил Валерием Чкаловым. Втайне от всех смастерив из простыни самодельный парашют, он стал тренироваться прыгать с крыши дома. Один из прыжков оказался неудачным, и он лишился половины верхнего зуба.

Агитбригада краснодонской школы №4. В кубанке — Сережа Тюленин. Вторая справа — Люба Шевцова.

Сергей Тюленин (первый слева в первом ряду) среди учеников художественной самодеятельности клуба имени А. М. Горького.

Может быть, его прыжок со второго этажа школы, на глазах всех учеников, тоже отчасти явился результатом влияния подвигов В. Чкалова. Подробности этого эпизода я узнал из рассказов М. А. Виценовской и самой Александры Васильевны. Интерпретации несколько различались, но сходились в главном. Дело было вот как. На перемене Сережа заметил, как один мальчик ест пирожки, принесенные из дома. Сереже очень захотелось пирожка, и он стал просить мальчика поделиться. Тот ничем не хотел этого делать, дескать, самому мало. Тогда Сережа спросил:

— Хочешь, со второго этажа спрыгну?

Мальчишка вытаращил глаза:

— Врешь, побоишься!

— Дай пирожок — спрыгну.

Честность Сережи была известна всем: если дал слово, выполнит, чего бы это ни стоило. Сережа съел пирожок и прыгнул из окна. Приземлился он на клумбу, к тому же — стояла зима — в сугроб. В школе был переполох. К директору тут же вызвали мать. Пока директор и Александра Васильевна отчитывали его, Сережа молчал, опустив голову. Как только взрослые выбились из сил, он вдруг снизу вверх лукаво сверкнул глазами на мать:

— Мам, а хочешь, я еще раз прыгну?

— Жилистый был, сильный, ловкий,— говорила Александра Васильевна.— На крышу дома залезет по лестнице, а оттуда только спрыгивал.

Смелость и находчивость Сережа проявлял не раз. Сережин друг детства Н. И. Сыщенко вспоминал: *«...однажды поздно вечером, проходя мимо школы (возвращались из парка домой, после занятия прыжками с парашютом), услышали крик, призывающий о помощи. Сережа понял с полуслова сторожа, разбил локтем стекло рамы, скрылся в темноте. Когда мы открыли входную дверь в школьный буфет, то увидели Сережу и троих мальчишек, изрядно помятых и исцарапанных, зажатых за прилавок. У Сережи болталась, как плеть, рука. Оказывается, в схватке ворюшки бросили в Сережу гири от весов и сломали ему руку. Однако, преодолевая боль, он выстоял неравный поединок».*

Сергей отличался трудолюбием. Если уж его класс отправлялся в колхоз на прополку, он всегда был первым: все делал на совесть. Лентяев изводил язвительными насмешками. Очень интересовал его шахтерский труд, и он любил слушать рассказы шахтеров, приходивших в гости к его отцу.

Сережа был большим юмористом, любил пошутить и посмеяться. За это его любили и очень уважали сельские ребята. С ним хорошо было дружить. Он здорово рисовал портреты вождей и полководцев, что пригодилось ему потом в «Молодой Гвардии». Сережа знал наизусть много стихотворений и был отменным рассказчиком. Ребята любили, когда Сережа что-нибудь рассказывал.

В школьные годы Сергей заинтересовался революционной деятельностью В. И. Ленина. Этому содействовали учителя, которые помогли ему много узнать об Ильиче, а родители его интерес одобряли. Несколько раз Сергей пробовал читать труды В. И. Ленина и сокрушался по поводу того, что они ему не под силу. Сестра Надежда, к тому времени уже вступившая в ВКП (б), посоветовала ему:

— Ты сначала побольше узнай о жизни и деятельности соратников В. И. Ленина.

— А что это даст? — спросил Сергей.

— Тогда и труды В. И. Ленина начнешь понимать.

Когда его принимали в комсомол, он очень волновался, зная за собой немало проступков в виде различных шалостей. Его спросили, почему он хочет вступить в ВЛКСМ. Сергей ответил: «Хочу быть членом организации, которая борется за счастье человечества, за нашу красивую, полную радости жизнь, за то, чтобы в нашей стране быстрее построить коммунизм...» Потом застеснялся несвойственной себе патетики, усмехнулся и добавил:

— Это брат мне так написал. Но теперь я тоже так думаю.

Тюленина приняли единогласно.

В 1940 г. он решил осуществить свою мечту и вместе с товарищами подал документы в Ворошиловградскую летную школу. Медицинская комиссия признала его годным, но в зачислении было отказано, так как он не подошел по возрасту. Вернувшись домой, он продолжил обучение в школе, поступил в радиокружок при Краснодонской радиостанции; сам сделал приемник, по которому его семья слушала радиопередачи.

В 1941 году он не оставил попыток стать летчиком, отправив заявление и документы в Сталинградскую летную школу. Однако ответа он так и не получил: началась война, которая не одному Сергею спутала намеченные планы.

— Он всегда любил возиться с собаками,— продолжала свой рассказ Александра Васильевна.— Была у него собака Джульбарс, овчарка. Так его одного и слушалась. Разные команды выполняла, но если команду даст кто-то другой,— и ухом не поведет. Чему только Сережа этого пса не научил... Смотрю как-то, а Сережка Джульбарса-то запряг в корыто и заставляет таскать. Я ему говорю: «Что ж ты собаку мучаешь?» А он мне: «Ты, мать, не понимаешь. На войне собака вот так может, особенно по снегу, и медикаменты перевозить, и патроны, и раненого, если что. А попадет под обстрел, на брюхе проползет и что надо доставит». Потом у Сережи всех его обученных собак забрали в Красную Армию.

Нет никакого сомнения в том, что Сережины питомцы принесли пользу нашей армии.

С начала войны Сережа трудился на шахте № 1-бис. Потом он работал на строительстве оборонительных рубежей. Уже тогда Сергей начал собирать оружие. Дома появились автомат, патроны и несколько гранат.

Красная Армия отступала. До гитлеровской оккупации оставались считанные дни и часы.

— Иду это я по дороге,— рассказывала Александра Васильевна,— а на обочине стоит разбитая грузовая машина. Видно, с самолета подбили. В кузове какие-то ящики. Я посмотрела, а в ящиках бутылки. Рядом люди стоят. Я у них спрашиваю: «Что в бутылках?» «Да кто ж его знает! Говорят, мед какой-то искусственный». «Мед? — говорю.— Это хорошо. Это в хозяйстве пригодится». Позвала я дочь, Надю. Мы вместе этот «мед» домой и перенесли. Тут из комнаты Сережа вышел: «Что это у вас?» А я за что-то сердита на него была. «Иди отсюда!» — говорю. «Да ладно,— говорит Сережа.— Жалко, что ли, сказать?» «Ну, мед это искусственный!» А он взял одну бутылку, посмотрел, понюхал, пальцем горлышко потрогал, усмехнулся и говорит: «Мать, что ж ты принесла? Это не мед. Это бутылки с зажигательной смесью — танки подбивать». Я растерялась и, конечно, расстроилась. Что ж теперь с этим со всем делать? Выбросить? «Нет,— говорит Сережа,— выбрасывать не надо». Когда совсем стемнело, он нам с Надей сказал: «А ну, давайте это хозяйство на огород». Мы все туда перетаскивали и закопали бутылки возле стеблей ботвы. Горлышко каждой бутылки чуть землей присыпали, чтоб не видно было, а рукой сразу можно нащупать. «Пригодится»,— Сережа говорит, а сам, вижу, о чем-то своим думает.

18 и 19 июля 1942 г. Сережа помогал красноармейцам взрывать здания. Были взорваны база с горючим, хлебозавод и шахта № 1-бис.

20 июля в Краснодон вошли немцы. Сережа долго стоял на улице, стиснув зубы, и во все глаза смотрел на вооруженных до зубов вражеских солдат и офицеров, проезжавшую мимо фашистскую технику. Стоял, как статуя, не проронив ни слова. Но когда вернулся домой, его прорвало. С болью и гневом он кричал:

— Нет, с этим мириться нельзя! Смотрите, что творят эти варвары! Заходят в дома, забирают все, что хотят, заставляют женщин носить воду для их лошадей. Поразвесили уже свои гнусные приказы. Только вряд ли кто их будет выполнять. Нужно их срывать, а гадов этих уничтожать беспощадно!

Сестра Надя пыталась успокоить Сергея, но он как будто не слышал ее.

— Да что же ты сможешь сделать, дите ты мое дорогое, против такой-то тучи...- заплакала мать. Рядом стояли растерянные Надя, Даша и Гаврила Петрович.

Увидев слезы матери, Сергей притих. Помолчал немного, а потом спокойно произнес:

— Один, конечно, не смогу. А вот вместе с товарищами... Будет им «новый порядок!»

Он люто ненавидел фашистов и все время искал способы бороться с ними.

В те дни он часто пропадал со своими друзьями — Володей Куликовым, Леней Дадышевым, Степой Сафоновым и Валерией Борц. Возвращался домой очень поздно, а иногда и утром. С приходом фашистов дружба этих ребят стала еще крепче. Сережа начал организовывать работу по сопротивлению захватчикам среди мальчишек. Радий Юркин вспоминал: *«Я был самым старшим из восьми ребят, которые под руководством Тюленина начали собирать оружие и патроны. Мы еще не совсем ясно представляли себе, когда и как будем применять оружие, но твердо знали одно: нельзя в такое время бездействовать».*

На пятые сутки оккупации, когда немцы пошли мыться в баню, та вдруг загорелась. Баня была совершенно новая, отстроенная только перед войной. Она была хорошо оборудована, с прекрасными ванными комнатами.

— Сережа был у мальчишек авторитетом. Хотя ему было семнадцать лет, пацаны называли его дядей и ходили следом,— вспоминала тот день Александра Васильевна.— Вот они с ним и увязались, когда он погнал нашу корову пастись. По пути Сережа заметил, что немцы идут в баню. Прошли еще немного. Сережа и говорит: мол, ребята, гоните корову дальше, я вас позже догоню. А сам сделал бегом крюк (ноги-то у него были, как ветер), прибежал на огород, надергал бутылок, незаметно подобрался к бане и закидал ее. После этого опять сделал крюк и пулей догнал ребят уже на лугу. Фашисты из горящей бани голые выскакивают, орут. Стали спрашивать полицаев: кто это мог сделать? А эти шкуры продажные и говорят: кто ж еще, кроме Тюленина! Пришли полицаи к нам. «Где сын?» — спрашивают. «Корову пошел пасти»,— говорю. «Знаем мы,— ругаются,— какая это корова!» А тут и Сережа с ребятами возвращается. Полицаи к нему: «Ты баню поджег?» «Да вы что! — удивляется Сережа.— Меня тут и не было. Видите, мы с ребятами только что с луга». Ну, те покрутились: вроде как, действительно, только что парень пришел совсем с другой стороны и, правда, с коровой. Да и ребята с ним... Ушли полицаи ни с чем. А Сережка смотрит туда, где дым от пожара, и говорит потихоньку: «Ух ты, как горит...» Покосился, увидел, что полицаи отошли подальше и уже погромче: «Хорошо горит... Жалко, мало!» Это он добавил еще громче, когда полицаи были далеко. Тут один пацанчик ко мне и тихо так говорит: «Тетя Шура, а это он...» И на Сережу пальцем... Услыхал это Сережа. Рядом в колоде, на которой дрова рубят, топор торчал. Он его выхватил и с перекошенным лицом к мальчишке. Замахнулся топором. «Убью!» — говорит. Пацаненок перепугался, руками закрылся: «Дядя... Дядя... Я не буду...» Сережа топор обратно в колоду вогнал, недобрым таким взглядом еще раз посмотрел на парнишку и отвернулся. Потом, дома, спрашиваем его: «Зачем ты это сделал?» А он и отвечает: «Это чтоб вшивые немцы не купались».

Здание бани, сожженной Сергеем Тюлениным

В сентябре 1942 г. фашисты начали поголовную вербовку в Германию. Людей хватили прямо на улицах, пригоняли в полицию, регистрировали и потом насильно отправляли в Германию.

В семье Тюлениных подлежали отправке в Германию три сестры и Сережа. Они стали уходить из дому и целыми днями бродили в степи, шли в дальние села, прятались в лесах за Донцом. Это было трудное для Сергея время, время вынужденного бездействия. Он все время думал над тем, как помочь оставшейся в Краснодоне молодежи, и рвался домой. В Краснодоне ему приходили повестка за повесткой. Квартальный, хороший знакомый Сергея, Митрофан Бесхлебный, помогал ему, на повестках делал отметку, что Сережи нет дома. Для того чтобы легализовать свое присутствие в Краснодоне, он поступил на работу в клуб. Там был организован струнный кружок, которым руководил Виктор Третьякевич. Этот кружок почти целиком состоял из членов «Молодой Гвардии» и был ширмой, за которой молодежь спасалась от вербовки в Германию.

И Сергей с головой окунулся в подпольную работу. Когда дела шли хорошо, был весел и приходил домой с песнями.

Однажды Сергею надо было перенести патроны и гранаты. Он положил на дно двух кошелок боеприпасы, а сверху засыпал их картошкой. Но по дороге он напоролся на полицаяв, которые отвели его в комендатуру. На этот раз Сереже повезло. Его недолго продержали в комендатуре, а потом выгнали, не обратив на корзины никакого внимания.

24 октября немцы организовали в городе парад полиции. В ночь перед этим Сергей вместе с сестрой писал листовки. На базарной площади собралось много народу. Улучив момент, Сергей прилепил на спину одному здоровенному полицаяу листовку: «Смерть немецким оккупантам!» То-то потом забегали фашистские холуи, когда увидели ее!

— И не страшно тебе было? — спрашивала потом старшая сестра Надя.

— Есть же на свете дураки,— усмехнулся Сережа.— Он мой шлепок за дружеское похлопывание принял. А когда они спохватились, мы с хлопцами уже были далеко.

В самый торжественный момент парада, когда полиция проходила в немецкой форме, рухнули крыши базарных рундуков. Началась паника. Товарищи Сергея, воспользовавшись неразберихой, прилепили на спину полицаям еще несколько листовок.

Группа Тюленина блестяще справляется с поручениями штаба «Молодой Гвардии» и выполняет ряд боевых заданий. За деревней Шевыревка Сергей с товарищами разгоняет скот, приготовленный для отправки в Германию, нападает на вражеский обоз.

Наступил канун 25-й годовщины Великого Октября. В ночь с 6 на 7 ноября 1942 года Сергей Тюленин со своей группой вывесил красный флаг на школе № 4 имени К. Е. Ворошилова, в то время как другая группа водрузила такой же флаг над шахтой № 1-бис. Ночная темень помогла отважным молодогвардейцам.

Вот как вспоминал об этом оставшийся в живых молодогвардеец Радий Юркин: *«Первого ноября меня вызвал Виктор (Третьякевич — В. Р.) и сказал, чтобы я, Тюленин, Сафонов и Дадышев приготовились к Октябрьским торжествам. Мы с жаром принялись за работу. Достали полотнище для знамени, приготовили гранаты, привезенные мною из Миллерова, и в долгожданную ночь, накануне праздника, отправились выполнять задание. Шел дождь. Погода отвратительная, но на душе было легко и радостно.*

Вот и школа имени Ворошилова. В здание мы вошли через черный ход. Поднялись на площадку верхнего этажа, откуда узенькая лесенка вела к тяжелой кованой двери чердака. Сережа Тюленин первым поднялся по шаткой скрипучей лесенке. За ним

с гранатами наготове мы. Осмотрелись и сразу же принялись за работу. Степа и Сережа по скреплениям и проволоке влезли под самую крышу. Леня Дадышев стал у слухового окна, всматриваясь и прислушиваясь, не подбирается ли кто к нам. Я прикрепил полотнище к трубе.

Все готово. Старший минер Степа Сафонов, как мы потом его прозвали, заявил, что мины готовы... Я выглянул в слуховое окно и увидел человек шесть полицейских. Наряд прошел мимо, ничего не заметив. Я вылез на крышу посмотреть на знамя, которое мы так тщательно прикрепили.

Моросит осенний дождь, дует свирепый ветер. Наше знамя гордо реет в воздухе, а внизу на чердаке лежат противотанковые мины, прикрепленные к дереву знамени...

Утром около школы собралось много народу. Взбешенные полицейские бросились на чердак, но сейчас же вернулись назад, растерянные, бормоча что-то о минах. А знамя развевалось в воздухе и звало народ к борьбе.

В ту же ночь все улицы и базар были оклеены листовками и карикатурами на немцев. После 7 ноября листовки появлялись систематически».

«Черная биржа» — так называли краснодонцы фашистское учреждение, в котором к началу декабря были подготовлены списки для угона в рабство около двух тысяч краснодонцев. Штаб «Молодой Гвардии» принял решение биржу сжечь. Ночью 5 декабря, воспользовавшись тем, что большинство немцев и полицаяв отправилось в клуб на устроенный молодогвардейцами концерт, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова и Виктор Лукьянченко отправились на задание. Они засели в густом кустарнике, который примыкал к западной стороне здания. Было еще светло. Дождавшись темноты, они бесшумно пробрались к бирже, выдавили стекло в одном из окон и пробрались внутрь. По воспоминаниям Ивана Туркенича, биржу, подожженную в трех местах, быстро охватило пламя. Оно поднялось над домами шахтерского города, и жители выбежали из своих домов, не веря своим глазам. Многие плакали от счастья...

Здание биржи, сожженной Сергеем Тюлениным, Любовью Шевцовой и Виктором Лукьянченко

После того, как в начале января начались аресты членов «Молодой Гвардии», и было принято решение разойтись, Сергей ушел из города в надежде перейти линию фронта, но попытка оказалась неудачной, и 11 января он вынужден был вернуться домой.

Вторая попытка 15 января удалась. Сергей с сестрами Надей и Дашей оказался в расположении наших войск. Сергей сразу отправился в разведуправление. Его личность там выясняли в течении трех дней. По его настойчивой просьбе Сережу направили в одну из воинских частей, которая вела наступление на город Каменск. В течение нескольких дней он работал в разведке этой части. 24 января завязался ожесточенный бой на подступах к Каменску. Сергей с группой красноармейцев отправился разведать огневые точки противника. Но фашисты разведчиков обнаружили и окружили. Многие бойцы погибли. Сергея серьезно ранило в руку, но ему удалось вы-

рваться. Однако он был вынужден идти по направлению к городу, а не к своим. Так как Сергей был в штатской одежде, то на него внимания почти не обращали. Сергей старался не подавать вида, что ранен. Заметив, что на повороте стоят немцы, Сергей забежал в ближайшую хату. Там никого не оказалось. Тогда он схватил подвернувшееся под руку ведро и спокойно вышел на улицу. Немцы приняли его за местного жителя и заставили носить воду на кухню. Сергей с трудом перевозмогал боль. Рана давала о себе знать. Рукав, пропитанный кровью, заledenел. К вечеру ему удалось уйти из Каменска и, в конце концов, добраться домой.

Сестра Сергея, Хабарова Наталья Алексеевна, вспоминала последнее возвращение брата: *«25-го января 1943 года под вечер я возвращалась домой от соседней. Подхожу к дому: дверь закрыта. Стучу. Выходит маленький сынишка и тихим взволнованным голосом спрашивает:*

— *Кто там?*

— *Это я!*

— *А ты одна, мама? — спрашивает он меня.*

— *Одна.*

Только я вошла, он радостным шепотом сообщает:

— *Мамочка, Сергей к нам пришел!*

Я так и обомлела. Вбегаю в комнату. Сидит он, за руку держится.

— *Что с тобой, Сереженька?*

— *Так пустяки, ранило немного.*

Я... переодев его в женское платье, укутав большим темным платком, на второй день отвела домой. Он меня впереди, я немного сзади. Побыл он дома всего лишь сутки. Выдали его. Сука Лазуренко продала. А получилось-то вот как: Сергея очень любил его племянник, сын средней сестры. Ему и было тогда 1 год и 3 месяца. На второй день, т.е. 27-го января заходит эта Лазуренко в дом. Дома был только старик больной. А мальчик ползет в другую комнату, протягивает руки, смеется. Лазуренко и спрашивает его:

— *Где дядя? Там? - и указывает на комнату. Мальчик закивал головой, закивал. Она туда, а Сергей лежит в постели. Старик не придавал этому вначале никакого значения, думая, что она не заметила Сергея. Ее родственники служили в полиции. В тот же день его и забрали».*

— А забирали Сережу совсем не так, как в кино показали. Не было никаких немцев. Пришли за ним наши, местные, полицаи,— с горечью говорила Александра Васильевна.— Двое их было. Сережа стоит перед ними, бледный, шатается. Много он крови потерял, в руку раненный. Если бы не это, он бы их обоих побил и ушел бы. Он же у меня сильный и ловкий был... Я плачу, к одному из них, Ваньке Изварину, обращаюсь: «Ваня! Ну, ты же русский! Дай ему уйти, он же такой молодой, не губи его! Возьми что хочешь!..» А он глаза отвел. «Не могу,— говорит.— На него донесли. Если мы его в полицию не доставим... У нас же у самих семьи...» И увели Сереженьку. А через час за нами пришли. И меня, и «деда», и дочку... Даже годовалого внука Валерика забрали... Привели в полицию. Заместитель начальника полиции Захаров сразу на меня с матерщиной. «У нее,— кричит,— сын партизан, красная сволочь, а она стоит, как молодая роза!» И что ни слово, сплошной мат. Соликовский на диване лежал. Потом поднялся и говорит: «Имущество у них конфисковать, а этих (неприличное слово сказал) пустить на ветер, но сначала пытаться». Тут Валерик заплакал. Соликовский велел взять его за ноги и головой об стенку... Но тут вошел полицай и сказал, что немецкое начальство приехало. Соликовский ушел, а нас посадили в холодную камеру. «Деда» отдельно от меня. Дочь с ребенком, правда, через не-

сколько часов выпустили. Но ведь какие сволочи,— и ребенка не пожалели, щипали его, по щекам хлестали! Долго у него синяки не проходили.

— В камере,— продолжала Александра Васильевна,— я сидела с Любой Шевцовой, Раей Лавреновой и ее матерью, а еще там были мать и отец Степы Сафонова. На другой день, утром, к нам попала Аня Сопова. Тут же ее стали допрашивать. Камера наша от ихней канцелярии была отделена деревянной перегородкой, все слышно и даже в щелочки кое-что видно. Спрашивают, кого она знает, с кем имела связь, что делала. Она молчит. Приказали ей раздеться догола. А она такая красивая была, косы большущие, пышные, до пояса. Сорвали с нее одежду, уложили на пол и стали бить проволочной плеткой. Она страшно кричала. А как начали бить по рукам, голове, не выдержала, бедненькая, стала пощады просить. Потом снова замолчала. Тогда Плохих, палач проклятый, чем-то ее ударил в голову. Она упала, и ее снова били... Наконец, избитую, всю в крови приволокли в камеру. Она долго лежала. Потом встала, походила так и сказала: «Кабы не руки, я бы терпела. А то перед такой мразью унижаться...»

Аня Сопова

Потом вызывали на допрос меня. Спросили, что я знаю о действиях сына. Я ответила, что ничего не знаю. Тогда Захаров дал знак, а полицейские Севастьянов и Плохих раздели меня и бросили на пол. Страшно вспомнить, как били — по голове, по спине, по ногам. Как плеткой ударят, так сразу кожа рассекается, и кровь идет. А Захаров надо мной приговаривал: «Рассказывай, сука, к кому сын ходил, кто к нему приходил». Не помню, как я в камере очутилась.

После Александры Васильевны допрашивали Сергея. Об этом ей рассказали соседи по камере. Он смотрел на палачей насмешливо. Когда начали бить, только зубами скрипел. Таким допросам каждый день подвергали всех арестованных. Ковалева Анатолия однажды били три раза подряд. Били Севастьянов, Плохих и Захаров.

— Устанут, отдохнут и снова бьют. А чтобы крики заглушить, заводили патефон. И под музыку истязали наших дорогих детей.

Только на четвертый день увидела мать своего Сережу. Захаров сделал матери и сыну очную ставку, надеялся сломить обоих. Александру Васильевну ввели в жарко натопленную комнату, и у нее сдавило горло, перехватило дыхание. Под стенкой, пошатываясь, стоял Сергей. Он был весь в окровавленных лохмотьях, переносица перебита. Как только Сережа увидел мать, оживился. Их взгляды встретились. Он ничего не говорил, но как много сказали его глаза! Александра Васильевна поняла, что означал взгляд сына, и тоже ответила ему взглядом.

— Захаров встал и говорит мне: «Ну, говори, старая, кто приходил к твоему сыну?» Я ответила, что ничего не знаю и никого не видела. Тогда он бросился к Сереже и рас-

каленный шомпол воткнул ему в рану на руке. Я стиснула зубы, молчу. Захаров говорит: «Ну, сейчас заговорите!» Тут два полиция тащат Сережу к двери и его пальцы в дверную щель засовывают. Сережа крикнул: «Мама, закрой уши, молчи! Ничего, наши придут и отомстят гадам за все. Вон уже совсем близко грохочет, чуете?» Как стали они дверь закрывать, как захрустели косточки, Сережа так страшно закричал... Я только прошептала: «Сереженька, сыночек мой...» И все потемнело, я потеряла сознание...

Потускневшие от прожитых лет глаза Александры Васильевны были полны слез. Все время, пока она вела рассказ, я, не отрываясь, смотрел в них и не мог отвести взгляда. Казалось, то, о чем она говорила, проходило передо мной — зримо и осязаемо. Я думал о том, что все это она рассказывала не раз еще до моего рождения, а теперь рассказывает и мне, заново проживая не выразимые словами ужас и сердечную боль, — боль, которая терзает в тысячный раз, как впервые. Я читал эту боль в ее наполненных слезами глазах, было больно вместе с ней, и те же чувства владеют мной, когда я пишу об этом спустя сорок лет после нашей встречи. Но и тогда в свои девятнадцать я понимал, зачем эта мужественная женщина вновь и вновь берedit незаживающую рану. Пока она рассказывает о сыне, она живет, живет он сам, а вместе с ним — его несгибаемое мужество, его подвиг! Пока ее рассказ будет передаваться от поколения к поколению, ее сын не умрет!

Ранним утром 31 января в коридоре забегали полицаи. Доносилась их мерзкая ругань, слышались крики. Лязгнул засов камере, где сидела Александра Васильевна.

— Сопова, на выход!

Собираясь, Аня спросила у Шевцовой:

— Любочка, что мне взять с собой? Может, бидончик?

Люба Шевцова разрыдалась.

— Какой там бидончик! На расстрел тебя ведут, подруженька...

И бросилась на шею Ане.

— Тут Аня повернулась ко мне и спокойно так говорит: «Тетья Шура, если останетесь живы, скажите маме, пусть не плачет. Я перед Родиной чиста». Потом помолчала и грустно так: «Вот, умираю, а у меня и любви еще не было...»

Когда Аню выводили, в коридоре уже стояло нескольких парней со скрученными за спиной руками. Среди них был Сережа. Он успел крикнуть матери:

— Прощай, мамочка, спасибо! — И получил удар прикладом от полиция.

Вечером 31 января 1943 года Сережу в последний раз подвергли страшным пыткам, но сломить так и не смогли. Сергей кричал:

— Бейте, бейте, гады, все равно взойдет солнце над Краснодоном!

Потом он потерял сознание. Полумертвого его повезли в санях к шурфу шахты № 5. С ним были его товарищи: Витя Лукьянченко, Аня Сопова, Юра Виценовский и Толя Ковалев, связанные телефонным проводом.

Анатолию Ковалеву единственному удалось бежать с места казни. Будучи физически сильным парнем, он ценой невероятных усилий сумел ослабить путы и высвободить руки. В решающий момент он оттолкнул полиция и побежал. Раненный пулей в плечо, он сбросил с себя верхнюю одежду, чтобы, оставшись в исподнем, быть менее заметным на фоне снега. Анатолий добрался до дома, где жили друзья, которые его спрятали и перевязали. Позже Анатолий Ковалев тайно покинул Краснодон и пропал без вести.

Почти всех молодоговардейцев бросили в ствол шахты живыми. Единственный свидетель этой жуткой расправы, сторож, рассказывал, что в течение нескольких дней из глубины доносились стоны...

Арестованных родственников казненных комсомольцев, в том числе и Александру Васильевну, должны были повесить 13 февраля. Но эта казнь не состоялась: Красная Армия подошла к Краснодару, и уже шел бой. Фашистам и их холоумам было не до арестантов: надо было уносить ноги.

14 февраля наши войска вступили в город, и Краснодар снова стал свободным. Многие не верили, что это произошло на самом деле, говорили: «А может быть, это только сон? Вот проснусь и снова увижу этих гадов...»

Братья и сестры погибших уходили добровольцами на войну. Они говорили: «Пусть будут трижды прокляты немецкие оккупанты и предатели, погубившие нашу рабочую молодежь! Пока бьется сердце, будем мстить! Смерть паразитам, посягнувшим на нашу свободу, на нашу жизнь!»

В конце февраля трупы замученных молодогвардейцев были извлечены из шахты. Они были до того обезображены и разложились, что родители узнавали своих детей только по одежде и отдельным приметам. Героев-молодогвардейцев похоронили в городском парке в братской могиле. Десятки гробов стояли в день похорон. Воздух оглашался громким плачем, стенаниями, душераздирающими криками.

От перенесенных страданий и горя Александра Васильевна ослепла. Зрение вернулось к ней лишь полгода спустя, когда в Краснодаре находился писатель А. А. Фадеев, собиравший материал для романа о «Молодой Гвардии». В это же самое время шло следствие над предателями и гитлеровскими палачами.

Видя, что от расплаты не уйти, бывший следователь полиции М. Кулешов и предавший организацию Г. Почепцов своими показаниями оклеветали Виктора Третьякевича, члена штаба и фактического организатора «Молодой Гвардии». Они заявили, что Виктор на допросах выдавал своих товарищей. На самом же деле все происходило вот как. Третьякевич сидел в одной камере с Евгением Мошковым и Иваном Земнуховым. Когда ребята узнали, что в городе идет волна арестов, и соседние камеры наполняются их товарищами, все трое приняли решение на допросах путать следователей и давать показания друг на друга, чтобы отвести подозрение от остальных. Третьякевич давал показания на Мошкова и Земнухова, Мошков — на Третьякевича и Земнухова, Земнухов — на Мошкова и Третьякевича. Они не знали, что полиция уже многое известно, а настоящим виновником арестов их товарищей является Г. Почепцов. На очной ставке с ним, Виктор не мог не заметить, что того в отличие от него даже не били, но, тем не менее, отвечал Кулешову так, чтобы не скомпрометировать Почепцова. Он не догадывался, что стоит лицом к лицу с предателем.

На честное имя настоящего героя и патриота легла тень подозрения. В своем романе о молодогвардейцах А. А. Фадеев вывел вымышленный персонаж предателя Стаховича, чья фамилия созвучна фамилии Третьякевич. Это добавило масла в огонь. Мать Виктора, Анну Иосифовну, горожане начали обходить стороной, как прокаженную. Но побывавшая в фашистском застенке и терпевшая пытки вместе с молодогвардейцами Александра Васильевна Тюленина знала истинное положение дел. Она демонстративно ходила по городу под руку с матерью Виктора. Лишь в 1959 году, когда состоялся суд над изменником Родины В. Подтынным, была установлена истина.

В этой драматической истории не может не вызывать удивления следующее обстоятельство. Почему наших следователей не насторожил тот факт, что, несмотря на якобы сотрудничество с фашистами, В. Третьякевич наравне с другими молодогвардейцами подвергался бесчеловечным пыткам, был изуродован (как мне говорили, ему оторвали нижнюю губу, раздробили обе руки), и в «благодарность» за ценные сведения его казнили вместе с другими членами «Молодой Гвардии»?

В 1960 году Виктор Третьякевич был реабилитирован, но посмертно награжден всего лишь орденом Отечественной войны 1-й степени. Это тоже плохо укладывается в голове.

— Я не понимаю,— возмущалась Александра Васильевна,— почему Героя Советского Союза дали только пятерым?! А Витя Третьякевич? Вася Левашов? Вася-то чем виноват? Только тем, что остался жив? А Ваня Туркенич, командир*?.. Да я же сама с ними была и видела: они все герои,— всем надо дать Героя Советского Союза, а им только ордена да медали! Несправедливо поступили!

Перед расставанием Александра Васильевна провела меня в зал, где висел большой карандашный портрет Сергея Тюленина в раме. Художник выполнил его по фотографии и сделал это талантливо. Несмотря на черно-белое изображение, глаза получились живыми. На меня был устремлен открытый и немного насмешливый взгляд с притаившейся в уголках рта грустной полуулыбкой. Под портретом я прочел: «Герой Советского Союза Сергей Гаврилович Тюленин, участник почти всех боевых операций “Молодой Гвардии”».

— Ты похож на Сережу,— вздохнула Александра Васильевна.

На это я ничего не сказал. Наверное, матери казалось, что на ее сына похожи все советские юноши. По крайней мере, ей очень того хотелось...

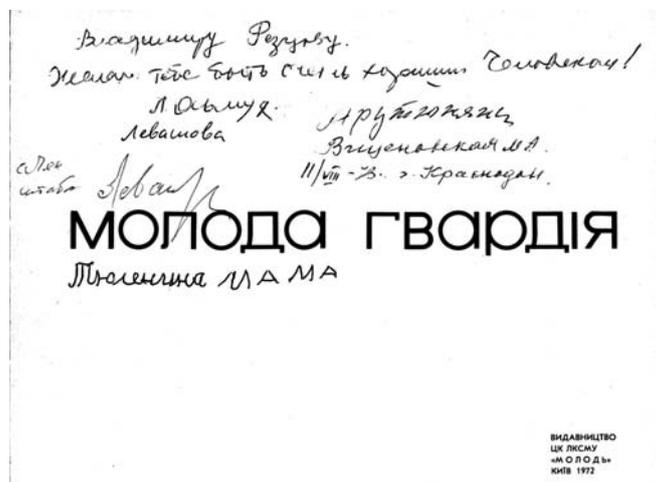
Я попросил Александру Васильевну расписаться в моем альбоме и услышал в ответ:

— Да ведь я же неграмотная! Когда-то училась в ликбезе, но только фамилию свою и могу нацарапать. Пишу, как курица лапой... Ну, давай попробую...

Она взялась за шариковую ручку сразу двумя руками. Невольно подумалось, что так обычно держат что-то тяжелое вроде лома. Неровными буквами Александра Васильевна вывела слово «Тюленина». Потом подумала и спросила:

— А как пишется буква «м»?.. А буква «а» — это так?..

И рядом с фамилией дописала слово «мама».

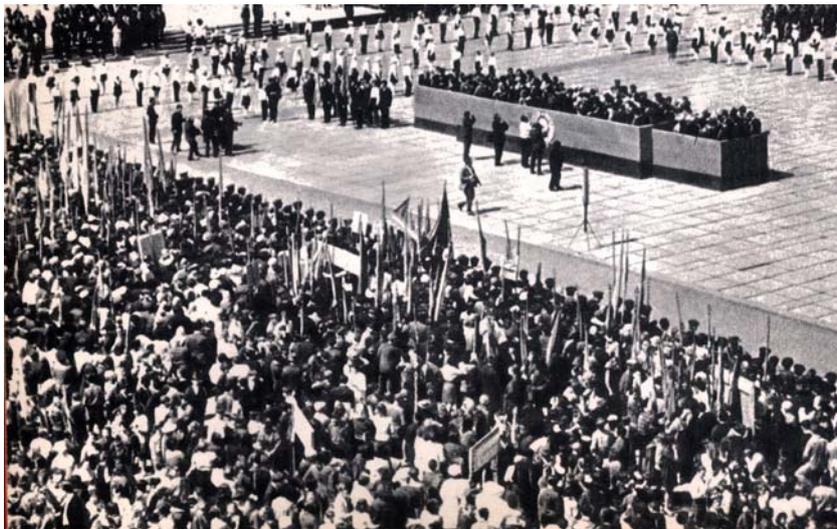

Автографы сестер Владимира Осьмухина и Сергея Левашова, матерей Георгия Арутюнянца, Юрия Виценовского и Сергея Тюленина, а также члена штаба «Молодой Гвардии» Василия Ивановича Левашова

* В отношении И. Туркенича, командира «Молодой Гвардии», справедливость все же была восстановлена. 5 мая 1990 года, в канун 45-летия Великой Победы, вышел Указ Президента СССР о присвоении ему посмертно звания Героя Советского Союза «за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Но это случилось через 15 лет после того, как не стало А. В. Тюлениной.

БЕССМЕРТИЕ

В начале 60-х годов, дедушка и бабушка привозили меня, второклассника, в Краснодар, и мы ходили в музей «Молодой Гвардии», который тогда находился еще в старом помещении. Я плохо помню, где тогда размещался музей, остались одни впечатления от увиденного. Вряд ли, приехав теперь на родину молодогвардейцев, я найду то старое здание. Но не найти новый музей невозможно! Он находится в самом сердце Краснодона, на площади, которая получила новое наименование — площадь имени «Молодой Гвардии». Торжественное открытие нового музея состоялось 6 мая 1970 года.

Украинская ССР. Ворошиловградская область. Краснодар. 6 мая 1970 г. Митинг, посвященный открытию нового мемориального комплекса-музея «Молодая Гвардия»

Рядом с музеем находится ставший символом города памятник «Клятва», который был открыт 12 сентября 1954 года. Его создали скульпторы В. И. Агибалов (г. Харьков), В. И. Мухин, В. Х. Федченко (г. Луганск). Авторам удалось не только добиться портретного сходства героев, объединить их в одну гармоничную композицию, но и передать лучшие черты духовного облика молодежи времен минувшей войны. У пьедестала памятника всегда были цветы, и я не верю, что в наши дни дело обстоит иначе.

В этом потрясшем меня до глубины души музее я побывал сорок лет назад. Стоит только войти внутрь, сразу же охватывает ощущение того, что ты соприкоснулся с чем-то неземным, высоким и прекрасным. Даже воздух музея кажется кристально чистым, до того там светло и легко дышится. Лестниц практически нет. На второй этаж посетители поднимаются по наклонному полу с блестящим покрытием. Невольно думаешь, не поскользнуться бы, но поверхность совсем не скользкая. Приятное, не режущее глаза освещение...

Не помню, сколько времени я провел в музее «Молодой Гвардии», подолгу останавливаясь перед каждым стендом... А в музей все шли и шли посетители. Были приезжие, но приходили также местные жители и родственники героев с детьми и внуками.

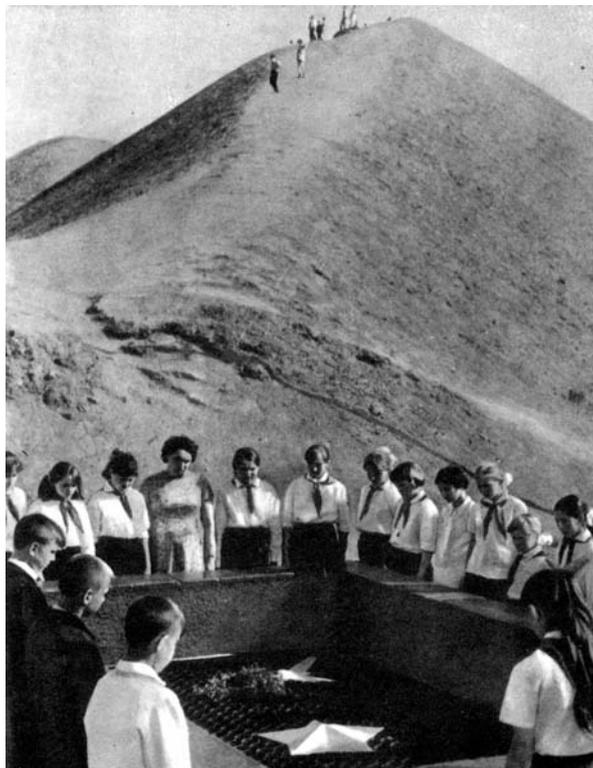

Величественный комплекс-музей «Молодая Гвардия». На заднем плане — памятник молодогвардейцам «Клятва»

Символ Краснодона — памятник героям «Молодой Гвардии». На заднем плане — музей «Молодой Гвардии»

Краснодонцы вообще народ особенный. В повседневных разговорах они непременно касаются темы «Молодой Гвардии», упоминают имена молодогвардейцев, их родственников или события, так или иначе, с ними связанные. Не отпускает ощущение, что погибшие герои живы и находятся где-то поблизости, среди жителей Краснодона, растворившись в них ...

Пионеры у места гибели молодогвардейцев

Музей «Молодой Гвардии». Пионеры у бюстов молодогвардейцев — Героев Советского Союза

Музей «Молодой Гвардии». Монументальное панно «Верность знамени Октября»

Перед тем, как уйти, я взял в руки книгу отзывов. В ней были записи, оставленные посетителями из разных городов и стран, известными в Советском Союзе людьми, советскими космонавтами. Взяв ручку, я написал:

«Сейчас нам по 19 лет. Мне и моему дяде. Но если через год мне будет уже 20, то ему так и останется 19. Так будет и через 100, и через 200 лет. Навсегда останутся молодыми мой дядя и его прекрасные товарищи. Просто непостижимо — такие молодые хлопцы и девчата за такой короткий промежуток времени успели сделать столько славных героических дел, что застыл в изумлении перед их мужеством весь мир! Дела их поистине бессмертны. Я уже четвертый раз приезжаю в Краснодар. Но еще много и много раз буду возвращаться сюда, чтобы прийти в этот чудесный храм «Молодой Гвардии» (согласитесь, это ведь и правда храм!). Вновь приду я на могилу этих очень хороших ребят. Человек должен посещать это священное место, потому что оно удивительно еще и тем, что делает каждого человека лучше... Горжусь, что во мне течет кровь молодогвардейца!

Владимир Резцов, племянник Юрия Виценовского, студент Тульского госпединститута им. Л. Н. Толстого».

Об истоках подвига молодогвардейцев А. А. Фадеев писал так:

«Ценность советского человека — молод он или стар — с особенной силой проявляется в дни больших трудностей, великих испытаний в жизни всего народа и государства. Юноши и девушки Краснодона в великих испытаниях Отечественной войны проявили себя как героические советские люди. Но нельзя забывать, что они не смогли бы проявить этих качеств, если бы в условиях мирного труда большевистская партия, комсомол, весь строй советской жизни не воспитали в наших юношах и девушках этих качеств, если бы сами юноши и девушки не прививали себе этих качеств в учебе и труде. В наши дни быть такими,

как краснодонцы,— это, прежде всего, трудиться и учиться на благо народа и нашего Советского государства».

Времена изменились. Распалась великая страна. Нет власти у большевистской партии, о которой писал А. А. Фадеев. Другой строй воспитывает совсем иные качества у нашей молодежи. Через средства массовой информации и произведения некоторых деятелей искусства не прекращаются попытки принизить значение подвига героев Великой Отечественной войны и Великой Победы советского Народа над фашизмом. Находятся молодежные организации, которые присваивают себе имя «Молодой Гвардии». Но слишком далеки их помыслы от тех, которые были у героев Краснодона, диаметрально противоположны их идеалы! Юра Виценовский, Сережа Тюленин и их товарищи, не задумываясь, приняли страшные муки и ушли в бессмертие, отдав свои молодые жизни за Родину Октября, за счастье и благополучие всех простых людей своей страны. Хватит ли духу у этих, нынешних, с той же готовностью пожертвовать собой ради тех, чьи интересы они защищают, отстаивая привитые им идеалы — идеалы, которые были чужды краснодонским молодогвардейцам? Знаю, что нет. То, на что способно орлиное племя людей-созидателей, «грамотному потребителю» не по плечу.

Я пишу эти строки, когда голова моя седа, и стал взрослым мужчиной мой сын. Ему теперь показываю я старую фотографию, на которой изображен четырехлетний мальчик с печальными глазами. Я рассказываю сыну о подвиге молодогвардейцев, которыми мы можем гордиться по-особенному, потому что они наши близкие и родные. Он знает, как в Краснодоне я ходил в магазин мимо домика Ивана Земнухова на улице Банковской, а на лавочке всегда сидела мать Вани — Анастасия Ивановна. Я, как и все прохожие, с ней здоровался. Мы рассматриваем с сыном заветный альбом «Молода Гвардія», где есть снимок братской могилы, покрытой гранитным надгробьем, вокруг которой стоят притихшие пионеры. Здесь лежит навсегда оставшийся молодым наш Юра Виценовский вместе со своими боевыми друзьями.

Анастасия Ивановна Земнухова

В мае 1965 года, в ознаменование 20-летия Великой Победы, на месте захоронения молодогвардейцев установлено гранитное надгробие

Нет, никакая пропаганда не сможет убить в нашем Народе память о беспримерном подвиге Краснодона, свести на нет скорбное подвижничество безутешных матерей павших героев! Пока живы мы, племянники и дети краснодонских комсомольцев, пока живут наши дети и будут жить наши внуки, правнуки и их потомки, жива «Молодая Гвардия»! Память о ней подобно пеплу Клааса стучит в наши сердца, а в душе вечно будет звучать песня, давшая имя подпольной организации юных патриотов:

*«Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.
Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян!»*

/Использованы материалы сайта «Молодая Гвардия» <http://www.molodguard.ru>, книги-альбома «Молода Гвардія» (видавництво ЦК ЛКСМУ «Молодь», Київ, 1972) и семейного архива/

19 февраля 2013 г. 19 час 22 мин. г. Тула

